

Цена 1 р. 60 к.

40498

Уралобллит № 5023.
Свердловск. Уралполиграф,
тип. «Основа». Зак. № 13635
Тираж 1.000.

XX 127
14

КЛИНИЧЕСКИЙ АРХИВ

Гениальности и Одаренности

(ЭВРОПАТОЛОГИИ)

ПОСВЯЩЕННЫЙ ВОПРОСАМ
ПАТОЛОГИИ ГЕНИАЛЬНО-
ОДАРЕННОЙ ЛИЧНОСТИ,
А ТАКЖЕ ВОПРОСАМ ПА-
ТОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА.

ВЫХОДИТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д-ра Г. В. СЕГАЛИНА

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ

Том IV. 1928 г.

УРАЛОБЛИТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО И ПЕЧАТ
УРАЛОБЛИТ

Проблема „гениальности и помешательства“.

(Das Problem „Genie und Irrsinn“).

Д-р Вильгельм Ланге (Гамбург) *).

(D-r Wilhelm Lange, Hamburg).

I ЧАСТЬ.

Общая проблема.

Вот уже 2½ тысячи лет, как вопрос об отношении высшей одаренности к «помешательству» занимает лучших мыслителей человечества; уже 100 лет как эта проблема заинтересовала и возбудила большую часть образованной и культурной массы человечества. И еще до сих пор этот сфинкс не получил такого разрешения, чтоб он мог всех удовлетворить. Отчасти это происходит потому, что спор этот сводится к спору вокруг исхода за «священную войну». Стремление многих людей идеализировать, обоготворять и обожествлять своих фетишей заставляет их отчаянно бороться за своих «святых»; бороться даже против своих собственных научных убеждений и потребности к исканию научной правды. В отношении этого вопроса сказывается также раздвоенность современного человека. Он сопротивляется и боится вводить методы естествознания, медицины, психиатрии на те идеализированные образы, которые возведены человечеством в герои, в полубоги и божества. Вследствие этого существует форменная «священная война» против психиатрии. Тем более каждый психиатр и каждый мыслящий со-

*) Примечание редактора. Д-р W. Lange — автор недавно вышедшего капитального труда — *Genie Irrsinn und Rühm* (изд. Reinhardt, München 1928), где он освещает современные психические проблемы «Гениальности и Помешательства». Эта книга составл. ст. эпоху в этом вопросе. Вся мировая литература об этом вопросе здесь впервые представлена, и это составляет ее главную ценность. Отныне ни один психиатр, ни один ученый, ни один культурный человек, который хочет быть в курсе дела этого вопроса, не может миновать ее: это есть настольная книга всякого научно-образованного и культурного человека современности, а тем более психиатра.

Книга эта составляет тот узел, в котором впервые сталкиваются 2 мировоззрения 2-х культур, воевавшие тысячами и теперь получившие генеральный бой

временник заинтересован быть в курсе дела этой проблемы в свете психиатрии. Даже относительно исторического развития понятия «гений» очень немногие из образованных людей имеют более или менее ясное представление. Анализировать филологическое происхождение этого слова для нас не так существенно, ибо древнее объяснение корня этого слова основано на ошибочных древних представлениях о том, что в данном человеке сидит какое-то другое существо, с другими свойствами и качествами.

Гений всегда был в представлении людей — сверх естественным существом, чем-то вроде полубога, хотя с ограниченными функциями (для бога), однако со сверхчеловеческими силами для человека.

Современное понятие «гений» возникло приблизительно в 17 столетии (около 1650 г. приблизительно). Однако это понятие ведет свое происхождение от античных времен, причем можно установить 6 первоисточников, участвовавших в образовании этого понятия.

1. Учение об энтузиазме Платона, по представлению которого божество вселяется внутри поэта (который сам по себе может быть и не одаренным человеком) и изрекает через него все, что он хочет сказать.

2. Демоны Сократа как представление о пожрительствующем духе, как некотором сопутствующем существе, яко бы приставленными к людям, чем-нибудь замечательным.

3. Культ героя (во все времена и у большинства народов люди были героизированы или даже обожествлялись, при этом создавался соответствующий культ, хотя это само по себе с понятием гения ничего общего не имеет. Понятие гения гораздо уже.

4. Сновидение Цицерона у Сиднио: все лучшие люди слова встречаются в особом месте на небе.

5. Сочинение Longin «О возвышенном», где восхваляются все прирожденные великие дарования, достигające божественности.

Одна культура — детище теологии и существующая до сих пор в замаскированном виде — в форме идеализированно-слащавого культа гения как следствие мистического мироопимания.

Другая культура — плод прогрессивно-победжающего естествознания, био-психиатрического мироопимания как результат диалектического развития природы — результат 2-х борющихся антагонистов — „гениальности и помешательства“. В этом генеральном бою Lange, как искусный полководец мобилизовал все респыленные силы, сидотил такую армию, под напором которой дрогнули враги... и рассыпалась вся конвенция теологического культа „гениальности“. Lange мастерски вскрыл психопатологическую сущность и социологическую основу этого вопроса, в этом его крупнейшая заслуга.

Опыне замаскированный теолог — обезоружен.

Здесь мы даем в русском переводе реферат автора (на немецком языке), присланный им в редакцию для нашего „Архива“.

6. Сочинение «Viri illustres» римской литературы, по которому, будто, все знаменитости составляют или образуют нечто единое.

Однако персонификация духовных способностей человека, в особенности персонификация его «творческой силы» в гения, а также образования культа вокруг этой персонификации— происходит во время итальянского ренессанса. Надо здесь же заметить, что тогдашнее понятие «творческая сила» ни в коем случае не включало в себе современное представление об этом или современное требование «оригинальности», ибо тогда это понятие (творческая сила) включало в представление и простое подражание (природы).

Требование, чтоб в понятие «гений» включалось представление о созидании новых культурных ценностей (обуславливающих человеческий прогресс) вносят живописцы—инженеры (как-то: Леонардо-да-Винчи, около 1500, Vasari 1550, Скалигер 1561, Телезио 1565).

В дальнейшем к понятию «гений» накладываются еще следующие представления: легкость в продуктивности, изобретательство, особенности в натуре данного человека, иррациональное в натуре человека и в его произведениях, «инспирация» от божества.

Проходит еще затем около 100 лет, пока во время барокко около 1650 г. слово и понятие гения выкристаллизовывается в современном смысле: гений как непопятная (мистическая, божественная) творческая сила человека. Около 1700 года, особенно выдающегося человека обозначают словом «gènie» (гений).

Родинами понятия гений являются романские страны: Италия, Франция и Испания.

В то время, как в античные времена идеалом личности служил «мудрец», в средние века—«святой»; в эпоху ренессанса—государственный человек, придворный «bel esprit», наконец в буржуазном обществе в литературных кругах высшее господство принадлежит идеализированной личности—«гения». Нигде во всех этапах развития этого мистического понятия (оценки высших способностей человека) не теряется скрытый религиозный душок и привкус.

Этот религиозный привкус достигает своего апогея в 18 столетии в произведениях Шефтсбери (Shaftsbery), который в своем главном произведении (появившемся в 1771 г.) трактует гения как высшее откровение божественного духа, как второе божество. Мистическое обожествление гения мы находим дальше в эпоху классицизма романтики: у Шелинга, Шопенгауера, Карлейля и Эмерсона, затем вновь возрождается бессознательно и замаскировано у Ницше (Идеал Зарагустры).

Все это психиатр и биолог должен знать и учесть, если он хочет понять и изучить откуда берется та новейшая «священная война» против патографии. Также он должен знать, что психиатрическое понимание гения ни в коем случае не являет-

ся чем-то первичным, а нужно рассматривать его как продолжение или ответвление рационалистичеких воззрений 18 столетия, (французские школы материализма, Гельвеций и проч.), которые развивались самостоятельно на ряду с развитием мистического понимания.

Развитие естествознания, медицины, психиатрии повели сами по себе к дальнейшему развитию по рационалистическому пути дальше. Появляется тенденция психологически и генетически анализировать гения, найти для него то или иное объяснение.

С другой стороны, делается понятным протест и возмущение тех, которые, исходя из полурелигиозно-мистического понимания гения как полусвятого, полубога (подробно см. I.c.S. 33), восприняли всякое психиатрическое и патографическое изучение этого явления как святотатство и кощунство.

Мы можем здесь совершенно не приводить все те бесчисленные толкования гения, которые возникают при этом (см. I.c.S. 35). Все они сводятся к одним и тем же заключениям: или гений есть нечто вроде оракула божественной силы, или рассматривается как сверхестественная одаренность, как психо-биологическая высшая ступень развития человечества, а тип такого человека может быть в будущем возможно будет культивировать путем размножения.

Только редко мы видим в них указания на социологические моменты этого явления.

Но психиатр должен больше всего интересоваться литературой вопроса об отношении гения к «помешательству». Весьма замечательно для эпохи «священной войны» против психиатрического понимания этой проблемы, что литература этого вопроса до сих пор не могла быть собрана и составлена в больших размерах.

А непосвященный читатель не может и представить себе, как чрезвычайно затруднительно собирание материалов по этому вопросу.

Проблема об отношении гения к „помешательству“ всплывает еще в античные времена у греков, приблизительно около 450 лет до Рождества Христова. Тогда еще делали сравнения и проводили параллель между опьяненным, безумием и поэтическим экстазом (или пророческим экстазом). Но необходимо здесь дать себе отчет в том, что там, где Эврипид, Сократ, Демокрит, Платон, Аристотель, Цицерон, Гораций, Сенека (от 450 до Р. X., до 100 лет после Р. X.) употребляли понятия — *mania*, *dementia* или *furor*, далеко не совпадает с современным нашим психиатрическим пониманием психоза.

В большинстве случаев здесь под этими словами понималось: бесповиание (полученное от какого-либо божества), возбуждение, помешанность, экстаз, инспирация, — следовательно, все те состояния, которые теперь обозначаются как душевные исключительные состояния, („*Seelische Ausnahme Zustände*“).

Между прочим, установленный Аристотелем факт, что у выдающихся людей часто констатируется меланхолический темперамент—носит уже научный характер. С возрождением наук в ренессансе всплывает наружу из средневекового погружения тотчас же актуальная проблема относительно *Ingenium'a* и *dementia*.

Но барок и 18-ое столетие еще не знает серьезной попытки разрешения проблемы и дают только донаучные рассуждения и коротенькие обозрения.

Все-таки мы можем отметить замечательные работы этой эпохи у *Camp' nella* (1568—1639), *Gazzoni* (до 1620), *Pascal* (1623-1662), *Felix Plater* (1641), *Boerhaave* (1668-1738), *Quadrio* (1739), *Dider't* (1751), *Bettinelli* (1769), *Muratori* (1785), *Zimmerman* (1786) и проч.

С 1800 года высказывания мнений на эту тему несколько затихают просто потому, что тогда психиатрия как наука только что начала зарождаться. Шопенгауер (который вначале был также медиком) 1819, *Stuart* (1819), *Hecart* (1823), *Forgues* (1826), *Raudin*, *Blumgröder* (1831)—были те авторы, которых можно было бы отметить как зачинщиков новой эпохи в этой области.

В тридцатых годах наконец появляются серьезные работы; *Reveillé-Paris* (1833) высказывает мнение, что приращенная психопатия ведет при переутомлении к меланхолии, к неврозу, а в 1836 году *Lélut* пишет первую основательную патографию (про Сократа). В 1846 г. следует его другая работа про Паскаля, в 1850 г. выпускает Верга свою патографию о Тассо, в 1856 г. Ломброзо выпускает свою патографию о Кардане.

В Германии высказываются замечательные мысли относительно этой проблемы у *Droste* (1852) и у *Noack* (1859) также статьи к патографиям (Моцарта и проч.). Только французский психиатр *I. Moreau de Tours* (Моро-де-Тур) есть тот автор за которым остается навсегда заслуга первого заявившегося серьезной научной обработкой проблемы. Его основные идеи, правильно и по современному понятые еще и в настоящее время не устарели. По его мнению: Гений есть невроз, (*organisch gemeint*) полупатологическое состояние мозга; состояние повышенной раздражительности нервной системы есть тот же общий источник или повышенной психической энергии (гения) или душевной болезни. В состоянии инспирации гения оба состояния соприкасаются. Почти все великие люди, по этому автору, были от рождения нервны, и вследствие такого *предрасположения* гения кроется опасность появления психоза скорей у него, чем у обычных людей. Все это поясняется многими примерами. Учение *Delapierre* (1860) очень сходно с предыдущим автором, хотя уступает в ясности.

Отчаянного противника нашел себе Моро-де-Тур в *Flourens'e* и его последователе *Reason* (оба 1861). Повидимому, незави-

симо от всех выступил немецкий психиатр Шилинг (1863), мнение которого сводится к следующему положению: Крайне односторонний темперамент ведет к созиданию, но также легко и к безумию.

В это же самое время появляются работы Ломброзо (1836-1909). Уже первая его вступительная лекция в университете Павии в 1863 г. была на тему о „гении и помешательстве“ („genio e follia“). С тех пор он развивает свое учение на эту тему дальше в своих дальнейших больших трудах; в 1887 году появляется первый его немецкий перевод книги „Гениальность и помешательство“ в издательстве „Reclam“. Затем следуют его работы: *L'uomodi genio* (1887), *Genio e degenerazione I*. (1894), *II* (1898) *Nuovi studii sul genio* (1902), *Sull origine e natura del genio* (1902), *Genio e degenerazione III* (1907). Литература о нем вместе с переводами см. I. с. S. 443. О Ломброзо мы здесь упоминаем кратко. Повидимому стало модным при упоминании этого имени *dié Nasezu rumpfen*. Но как раз большинство психиатров не знают даже его лучших работ. В работах Ломброзо, нужно различать: попытку разрешить общую проблему и поздние его работы, где он свое учение разрабатывает на обширных патографиях его учеников и приверженцев. Для критически мыслящего психиатра, Ломброзо даже в свете современной психиатрии весьма богат отдельными еще и сейчас пригодными деталями, а также имеет много ценного в отношении постановки исследуемого вопроса и в отношении возбуждения интереса к этому вопросу. В проблеме гениальности, Ломброзо есть и останется одним из крупнейших авторов всех времен, давших толчок в этом вопросе. Это, конечно, не исключает того, что основы его учения не могут быть ошибочными и опровергаемыми. Его основная мысль: гений есть особая форма психоза, гений есть вид эпилепсии. Такое ошибочное представление у Ломброзо можно объяснить лишь тем, что в его время учение об эпилепсии и о ее психических эквивалентах было модой в психиатрической диагностике. (Несмотря на все ошибочные стороны учения Ломброзо, все-таки, по нашему мнению, издание его сочинений с критическим разбором его учения было бы весьма ценным вкладом в литературу. Дискуссия, возникшая в литературе приблизительно с 1870 г., в сущности говоря, есть ничто иное, как борьба вокруг Ломброзовских идей, или вернее говоря, вокруг учения „о вырождении“. Под „вырождением“ понимается все неблагоприятно-анормальное в психо-биологическом отношении, а также и все болезненное, связанное с наследственностью. Есть ли гений такая форма вырождения? Если-бы мы здесь стали перечислять всех авторов и излагать их мнения относительно этого вопроса о гении и вырождении, то мы слишком бы утомили внимание читателя (читатель, желающий познакомиться с авторами этих мнений может найти их в моей книге: *W. Lange „Genie Irinn*

und Ruhm“ München 1928 г., где приведена литература 200 теорий относительно „гения и помешательства“. Из 200 вышеуказанных теорий 72 приведены выдержками в этой книге). Всех авторов, по их взглядам, можно разделить на приверженцев Ломброзо, противников и авторов занимающих среднее место эклектиков между ними. Гипотеза Ломброзо о том, что гений есть форма эпилепсии, конечно, имеет очень немногих сторонников. Но почти большинство авторов сходятся в одном мнении (даже противники примыкают к этому мнению), что какая-то связь между гениальностью и психопатическим состоянием действительно имеется. Психические заболевания чаще встречаются у великих людей, чем у обыкновенного человека. У большинства гениев и у их родных это ненормальное состояние выражается обыкновенно в форме психопатии. Кроме того, у них довольно часто констатируются психозы.

Вследствие этого, громадное большинство психиатров специалистов факт связи гениальности и „вырождения“, констатируют как установленный факт. Для пояснения этой связи, приверженцы Ломброзо утверждают: психопатическое состояние может способствовать таланту в том смысле, что оно может возбудить или растормозить одаренность, или действовать ферментативно. С овым, психопатическое может создавать ценности, быть позитивным. Противники приводят такого рода доводы: сила не есть слабость. Творческие произведения не создаются посредством психоза, ибо этот последний ослабляет и понижает продуктивность. Гений—это, есть здоровье и в психо-биологическом отношении высшее развитие человеческого типа. Поэтому мы должны различать „настоящего“ т.-е. здорового гения от патологического псевдо-гения (Очевидно противники имеют в виду воображаемый в их представлении идеал гения, а не научное констатирование фактов).

Эклектики ищут себе помощи в разрешении проблемы другим путем.

„Дегенерация“,— говорят они,—не есть сущность гения, а только нечто сопровождающее гения. Или, как другие говорят: между гением и дегенерацией существует только сходство (напр. William Hirsch; или психопатия и высшая интеллектуальность часто проявляются, как нечто связанное между собою, поэтому в одних случаях превалирует творчество, в других психоз (Toussain); или: дисгармония структуры гения происходит из одностороннего развития его как гения ((Möbius, Pelman) или: гений есть аберрация, нечто утонченное и как *ex freme Zuchtung* стоит близко к патологическому человеку.

Reibmaier, Kulig и наконец такое мнение: аномалия гения заключается в его высшей дифференцированности; гений есть прогрессивно специфицированный тип человека (Mersalli).

Здесь необходимо подробнее отметить учение Мёбус'а (1853—1907). Он является не сторонником и не противником

Ломброзо. Он идет своей дорогой, ибо он вышел из школы Шарко и Маньяна. Он понимает гения, как высшую ступень таланта. Между гением и талантом он не находит резких границ. Гения—как исключительное явление—не существует, по его мнению существует столько же гениальных типов, сколько и талантливых. Талант есть нечто органически приращенное.

Гений вследствие *односторонности* своего дарования патологичен. Высота качества его таланта, оплачивается его болезнью.

Все эти основы учения Мёбиуса в отношении общей проблемы—определенно неверны; ибо как раз великаны таланты—наиболее здоровые между гениальными людьми (так, напр. Рафаэли, Тициан, Рубенс, Карро, Лейбниц, Verdi и др.)

Высшая заслуга Мёбиуса заключается в том, что он способствовал непрерывному и основательному исследованию отдельных личностей. Для таких отдельных работ он создает термин „патография“ (Pathographie); однако, ошибочно думать, что он является (очень распространенное мнение) отцом патографии. В действительности патографии происходят из Франции и Италии. Там начали их писать и там они основаны.

И даже в Германии Мёбиус имеет своих предшественников, а именно: В. Ротэ (W. Roth) в 1879 г. написал работу о Тассо, Hildebrand (в 1884 г. написал о Руссо, в то время как первая патография Мёбиуса о Руссо вышла в 1889 году). Все-таки заслуга Мёбиуса в том, что он первый нашел выражение „патографии“ и он является прежде всего немецким *классиком* патографии. Еще теперь его патографии служат образцом, до высоты которых не дошли большинство написанных патографий. Если говорить о немецкой патографической школе, то Мёбиус является ее основателем. Главными представителями этой школы в Германии, имеющими заслугу по изучению отдельных личностей—являются по Бирнбауму (Psychopathologische Dokumente, стр. 310, 1920): Meufel, Lantsch, и W. Lange. Мы бы могли прибавить по меньшей мере еще следующие имена: Lamer, Hesse, Rohmer, и Siedler. Кроме того, с 1920 г. еще: Hentig, Jaspers Hildebrand, Strehl и др.

Несколько слов относительно психоаналитической школы (в отношении общей проблемы)

Главная заслуга психоаналитиков останется всегда в том, что они с мужеством и энергично подчеркивали значение сексуальной сферы, которая так тщательно избегалась филологами, историками и биографами.

Согласно учения психоаналитиков, художники, и поэты под влиянием скрытых, преимущественно, сексуальных комплексов, создают свои произведения, а масса удовлетворяет свои вытесненные сексуальные желания соответствующим отреагированием на этих произведениях. Что здесь в учении психоаналитиков не обходится без преувеличения и без односторонности, это нам всем известно. Адлер является представите-

лем учения, которое гласит: из дегенерации возникает невроз, а из невроза, как компенсация своих недостаточных органов происходит гений. Из этого вытекает: гений есть сверхценный результат психомоторного преобразования недостаточных или малоценных органов. (Например, неправильное строение ушной раковины у Моцарта, поражение слуха у Бетховена; родинки на ухе у Брукнера, аномалия зрения у живописцев.) (Это учение Adler'a ничего общего не имеет с Фрейд'овской школой). У некоторых психиатров за последнее десятилетие (в Германии) проблема -- разрешение вопроса о „гениальности и помешательстве“ получила своеобразное направление. Единичные профессионалы психиатры, которые время от времени занимались научно и практически психопатологией, вдруг начинают отрицать свою психиатрическую науку. Под давлением общественного мнения и под давлением тех историков, которые не хотят ничего и слышать вообще о психиатрическом изучении гениальных людей, эти психиатры, невольно поддавая под их влияние и начиная т плясать под дудку противников и даже переходят в их лагерь. Такое явление можно объяснить только *реакцией* и как увлечение от того, что давно уже было преодолено.

Если психиатрия есть наука, то она имеет полное право при всяких условиях применять эти научные данные там, где для этого имеются основания, но с учетом с тем, что тот или иной объект является любимцем богов и людей. Как типичный пример такой реакции в психиатрии, укажем на Kunt'a Hildebrandt'a (i. c. S. 57 f). С реакционерами ни в коем случае нельзя смешивать тех авторов в новейшей психиатрии, которых можно обозначить как колеблющихся (только в отношении вопроса о „гениальности и помешательстве“). Эти колеблющиеся также видят и понимают общую проблему и оценивают факты в последнем счете также довольно точно, как и другие; но как только они слышат крик противников, или, может быть, находясь еще во власти своих консервативных остаточных аффективных переживаний прошлого, они делают слишком осторожными в отношении проблемы психопатологии гениальности, неуверенными, нерешительными, сомневающимися. Как пример, назовем таких авторов как Hinrichsen, Вирмбаум (Kulturpsychologie стр. 44). Таким образом большое количество новейших психиатров проблему „гениальность и помешательство“ бессильно и робко оставило на произвол судьбы, или, вернее говоря, они ее остороженнько отставили в сторону, подобно тому, как отставляют опасную гранату или мину (которая еще не взорвалась), продолжая издали свои наблюдения, также с опаскою. Вот точно так и большинство психиатров подходят к проблеме „гениальность и помешательство“: остороженнько и с опаскою; дескать, еслиб эта мина сама по себе взорвалась, то может быть, тут же и нашлось бы разрешение без нас, а то, ведь, никому не охота рисковать своей шеей

и головой (и своим приходом). Так вот они и продолжают издали коситься на это опасное гнездо динамита: пусть, мол, другие рискуют своей шкурой, а нам-то что лезть на рожна. Вот, приблизительно, какая была историческая ситуация проблемы „гениальность и помешательства“, когда автор предпринял свою обширную и многолетнюю работу в этой области.

II ЧАСТЬ.

Патографии.

Уже из нашего обзора в I части видно было, как трудно или даже совсем невозможно отделить общую проблему от отдельных исследований единичных личностей—от патографий.

Во всяком случае разрешение общей проблемы возможно лишь с подведением итогов и выводов из этих отдельных малых работ.

Вообще такая работа началась с 1836 года, когда Lehit впервые выпустил свою первую патографию относительно Сократа. С тех пор психиатры, время от времени побуждаемые исследовательским зудом, отдавались неблагодарной трудной работе—писать истории болезни великих людей. Большие всего мы обязаны страстному усердию Ломброзо, а также его крайним преувеличениям, имевшим влияние на то, что в течение времени (менее чем 100 лет) развилась огромнейшая литература. И именно в передовых европейских культурных странах—Италии, Франции, Германии и Англии. Америка (Северная) оставалась зависимой от Европы.

Эта интернациональная, далеко распространенная литература до сих пор никем не была даже составлена. Причина тому—вероятно большие практические затруднения в исполнении этой работы. Всегда искомую патографию трудно найти. Даже в психиатрических специальных журналах к этим работам относятся так же, как мачеха к неродному детищу, как к неприятному придатку, который на страницах такого журнала пала как-нибудь и где-нибудь помещают (если вообще помещают!).

Исследователю остается только одно: перебирать журналы за 50, 70, 80 лет, ибо до новейшего времени в предметном указателе почти в большинстве случаев название „Патография“ совершенно отсутствует. Если же вы просмотрели 2-3 дюжины таких журналов, то чувствуете себя так или иначе вознагражденным за этот труд, и в то же время изумляешься, как могло быть создано столько в этом направлении.

В противоположность этому мы видим зияющую пустоту в каталогах большинства библиотек (даже в больших психиатрических клиниках) под рубрикой „патография“ или „Kulturpsychopathologie“.

Эта область исследования, повидимому, является не только пасынком человечества (чему не приходится удивляться), но даже сама наука и ученые относятся к ней как мачеха к нелюбимому, чужому ребенку. Нигде эта научная область не централизована как самостоятельная отрасль, нигде она академически не санкционирована и не представлена.

Нет таких ферейнов, которые бы задалась целью изучать эти вопросы; нет библиотеки, нет библиографии и ни одного учебного пособия для этой цели.

Также нет ни одного журнала по этим вопросам. Только за последние 4 года издается на русском языке, единственный и первый журнал в мировой литературе, который посвящен вопросам эвропатологии и патографии*). Основанием для такого положения вещей служит то обстоятельство, что исследователь, кроме черной неблагодарности, ничего за это не получает (лишь враждебное отношение к себе). Его работы сплошь и рядом легко осуждаются, легко затираются, остаются без внимания; не цитируются, не собираются и погружаются в неизвестность.

Исследователь такого рода не имеет ничего ободряющего для своей работы, никакой отзывчивости и спроса на свой труд.

Патограф работает *исключительно* из-за своего личного побуждения познавать научную правду, и для небольшой кучки таких же, жаждущих этой истины.

Издатели знают это хорошо—они могут вам на этот счет пропеть свою песню.

Нельзя также отрицать и нельзя не говорить об этом, что многие патографы частично сами виноваты в том, что их не читают. Установилось предубеждение в отношении патографии еще со времен первых ее шагов, и настолько глубоко это предубеждение вкоренилось, что осталось на десятки лет.

Многие из старых (первых) авторов были слишком поверхностны и не глубоки; многие делали грубую ошибку, взяв под свою луду еще живущих современников (напр., Бисмарка, Вагнера, Стриндберга).

Другие же заостряют внимание при описании личности только на патологическом, отчего описываемая личность является односторонней, часто искаженной. Далее, громадным недостатком является то обстоятельство, когда тот или иной автор патографии примешивает в свои суждения оценки того или иного великого человека и его творчества в то время, как человечество давно уже дало свою оценку. Это выражается, например, в таких суждениях некоторых авторов: „Не гений, а душевно-больной“; „Несамнитичен или непонятен, следовательно,—болезненно“; „потому что в состоянии психической

*) Подразумевается настоящий «Архив Гениальности и Одаренности» (примеч. редакции).

болезни это произведение создано, а потому никуда не годится* и так далее.

В этом отношении новейшие патографы стали гораздо глубже, осторожнее, обширнее. Границы между патографией и психографией стали более трудно определяемы, и в них обрисовывается уже более полной вся личность.

Нужно ли здесь много говорить о том, что в течение времени выявилась научная необходимость создания медицинских и биологических биографий? Если мы при изучении великих людей устраним всю идеализацию его личности и устраним весь ореол святости, созданный искусственно вокруг него и проберемся к настоящему историческому человеку, если мы этого исторического человека возьмем без всяких прикрас и наслоений, в реальной его пагоге для исследования, какие же научные методы исследования могут быть здесь сознательно применены? Только историческая пагога может быть объектом изучения биологии; исторический человек должен был сделаться объектом медицинской психологии или, когда это нужно, и психопатологии, а данные психографии и патографии — суть данные естествознания (в широком смысле этого слова).

Биографии, написанные историками, филологами и историками искусств — никогда не показывают нам истинное лицо, фотографию исторического человека. Обыкновенно они дают портрет в красивых красках, формы закрашены, красиво заретушированы, а потому неузнаваемы, произвольно зализаны и настолько, что ваше чувство правды резко оскорбляется, так же, как вас оскорбляет слащавость олеографического портрета. Всегда в них нехватает изображения живого человека. Все что есть живое, теплокровное в данном человеке, все человеческие черты лица — героизм, отвага, изображены застывшими как у статуи.

Одним словом, эти описания представляют из себя не научное исследование, а воспитательную литературу для чтения (необходимые, правда, для воспитания молодежи и народных масс).

В пользу биологически написанных биографий энергично высказывались такие авторы как: Мёбиус, Гельпах, Рейбмайер, Фрейд, Ранк, Иодль, Форбродт, Гольцгаузен. Однако признать необходимость еще не значит иметь нечто уже осуществленным (не говоря уже об идеальном исполнении).

Писать биологические биографии оказалось чрезвычайно трудной задачей.

О внешних практических обстоятельствах, делающих затруднительным это предприятие — мы уже вкратце говорили. Но и внутренних затруднений имеется достаточно. Так как патографическая работа как специальность не существовала и не существует в настоящее время, то психиатр может работать в этой области только „между прочим“.

С другой стороны, каждая патография образует почти отдельную науку и требует подробной специализации, часто многолетнюю предварительную обработку материала. И только очень редко историк и психиатр соединялись для совместной работы, как это в самом деле и должно было быть всегда. (Так, напр., работали историк Цукернагель и психиатр М. Lange над патографией Гердерлина). Конечно, это было бы иначе, если бы патография как наука была самостоятельна, имела бы свою школу и свои традиции, журналы, свои институты, которые бы заботились о молодой смене в их работе и в то же время изучали бы другие отрасли науки, необходимые для этих работ.

Какие требования предъявляются к патографии? Еще Мёбиус и Hellpach требовали, чтобы прежде всего патограф был не только просто медиком.

Он обязательно должен быть образованным психиатром. Затем он должен принять во внимание окружающую обстановку того, кого он описывает, и только изображать патологические данные, но обязательно воздерживаться от каких-либо оценок, ве касающихся патологической стороны вопроса. Iaspers требует еще к этому: способность к исторической критике, осмотрительность и некоторую дозу „благородной застенчивости“, eine gewisse edle Scheu, которую нет надобности скрывать. Многие голоса раздаются (и весьма справедливо) за то, чтобы при описании патографии охватить всю личность. Так возникли стремления дать общую для всех психогамму личности (W. Stern, Baade, Margis, Lewin) или патогамму личности (E. St rn, Mayer-Gross, Kehrer u Fischer) или психо-биограмму (Кречмер). Выяснилось, однако, что такие схемы могут быть рассматриваемы только как подсобные средства — доставляющие материал для построения синтеза.

К вопросу о том, следует ли выражать те или иные суждения оценки творческой личности как таковой в патографиях В. Ланге (l. c. s. 353) сделал следующее предложение: так как полной объективности авторов все равно достигнуть нельзя (в большинстве случаев) и так как, по видимому, многие патографы не могут воздержаться, чтобы не сделать такой оценки, то это может быть осуществлено, если автор патографии даст отдельную отграниченную от всех других частей патографий, часть работы (в виде приложения), где он может дать свою оценку в вышеупомянутом смысле. Удовлетворение этому требованию имеет свои многие преимущества, о которых здесь не место распространяться.

Ниже мы даем общую сводку всем диагностическим данным, существующим в психографиях и патографиях. Чем руководился автор при выборе материала для такой сводки? При выборе автор руководствовался биологической точкой зрения прежде всего, ибо между психографией, психоанализом и патографией не существует определенных резких границ. Даль-

пе, принималось также во внимание, чтобы эти патографы не касались в своих описаниях исключительно высокоодаренных, гениальных личностей или гениев, ибо для понятия „гений“ не имеется определенного, общепризнанного объективного критерия. Единственным критерием в таких случаях может служить слава. Только патографированные *знаменитости* входят в этот список.

Также работы не медиков — необходимо включить сюда, ибо эти авторы дали работы, достойные нашего внимания (так, напр. Hentigs дал работу о Tiberius'e, Grisars о Luther'e, Gochlers о Berlioz'e, Halzhäusen о Байроне, Клонстоке и т. д.). Что необходимо включить в этот список не только работы психиатров, — само собой разумеется, ибо есть врачи, которые не будучи психиатрами, дали много ценного (напр. В. Ebstein).

В психиатрических набросках и коротеньких статьях крупных авторитетов (напр. Мёбиуса, Саванес и пр.) иногда кроется гораздо больше, нежели в длинных трактатах неспособных и вачивающих авторов, поэтому таким небольшим работам и заметкам необходимо уделить должное внимание.

В следующем списке дан обзор известных до сих пор патографий*), составленных по алфавиту и ограничивающихся самым существенным в этом обзоре: названием диагноза соответствующих авторов. Профессиональный психиатр обычно привык обращать на это внимание, несмотря на то, что такая прикрепленная этикетка сама по себе иногда мало что может дать. Иногда вместо этого удается все существенное о данной личности сказать скорей в нескольких словах, а весь перечисленный список составлен с целью дать общий обзор, чтобы возбудить интерес к дальнейшему изучению вопроса. Имя автора всегда ставится после названия диагноза. В конце, где не имеется название автора, там дело идет о диагнозе самого автора этой работы.

A g n e s i. Психопатия и невроз (по Ломброзо 1907).

Александр Великий. Умер от энтерита (Caillaud 1810)

Умер от Delirium tremens (Radestock 1884). Умер от

тифозной лихордки (Bosc 1899). Один глаз светло-

синий, другой глаз темно-синий (Uifalvy 1902)

Невоздержанность необычайная, позже гомосексуален.

Умер от малярии после алкогольных эксцессов

(Sabanes 1908). Комплекс Эдипа (Boven) 1922). Невоз-

держанность (Hauser 1922). Выраженная психопатия.

A m e n o t e r IV Невретик (Абрагам 1912). Чрезвычайно

нервный. «Вырождение» (Kekule von Stradonitz 1924).

Шизоид—астеник.

A m i e l. Гиперсенситивный психопат (Birnbäum 1920).

*) В этот обзор не входят русская патографическая литература, т. к. до сих пор не составлена такая сводка. В ближайшем будущем предполагается это осуществить.

- Andersen.** Гомосексуален (Hansen 1901; Moll 1910).
- Августин.** Гомосексуален (Анонимно 1900; Achelis 1921).
Чувствительный психопат (Lagewie 1925).
- Бальзак.** Психопатическое „беспокояющее“ „мегаломан“ (Gablès 1899). Гипоманиакальный психопат?
- Бодлар.** Психопатия, наркоман; умер от «*ramollissement cérébral*» (Grasset 1907). Бешастья (Dupony 1910). Инцестубе (Stekel 1911). Комплекс Эдипа (Rank 1911). Умер от прогрессивного паралича. (Saaler 1917). Тяжелая психопатия. Злоупотребление наркотиками (Birbaum 1920).
- Бетховен.** Тяжелая психопатия (Redstock 1884). «Оригинал». умер, вероятно, от алкогольного цирроза печени (Grasse 1907). Волшебная воображительность. Артериосклероз. Angina pectoris (Nimack 1907/8). Otosklerose. Умер от цирроза печени (Lues—Tiphüs? Jacobsen 1910). Параноидная психопатия (Mergelin 1918). Тяжелая психопатия с частичной компенсацией. Алкоголизм.
- Берлиоз.** „Stark pathologisch“. История (Goehler 1905). Тяжелая психопатия и история с припадками. Умер от аномлексии (Fris 1911).
- Berthelot.** Не волею, травма черепа. (Toulouse 1901).
- Berzelius.** Мигрень, умер от паралича (Erbstein 1904). Психопатия с периодической депрессией?
- Бисмарк.** «Мания с бредом величия» (анонимно 1866) тяжелая психопатия с истерическими симптомами. Периодически (эндогенные?) сильные колебания настроения. Злоупотребление алкоголем (Lomper 1907). Раздражителен, очень нервен. Antediluvianisch (Gros 1920). Безрастения (Müller 1921). Довольно выраженная психопатия, может быть циклофренические колебания настроения.
- Блакел.** „Halluzinatorische Paranoia originaria“ (Vleuten 1907). Маниакально-депрессивен. (Nitsch 1915). Параномия.
- Блэйхер.** Гипохондрически-параноидная депрессия (пресенильная) (Kreuser 1914). Периодическая меланхолия (Maueg 1918). В его фамилии часто маниакально-депрессивные случаи. Блэйхер депрессивен или переменен гипоманиакален (Haberkant 1923). Циклотимия т.-е. легко маниакально-депрессивен. Когда «здоров», гипоманиакален. Алкоголизм. (Haberkant 1924).
- Беклин.** Психопатия. Не исключается психотическое состояние. Умер от мозгового инсульта (Левенфельд 1903).

- В о н т е.** Dementia paranoïdes (Moses 1906).
Системная парафрения или параноидная форма шизофрении. (Kielholz 1919).
- В о е г н а а ч е.** Временами ступорозное состояние (Radestock 1884). Депрессия?
- В р о у г х а м.** Долгое время психически болен.
- Ж и о р д а н о Б р у н о.** Типичная психопатия (по Ломброзо 1894 и Riehl).
- Б у д д а.** Параноя (Binet 1910). Повидимому крайний шизоид-гиперэстетик. Шизофренический сдвиг? Новейшей патографии не имеется.
- В у г о н.** Гомосексуален (Rau 1901). Депрессивен. Inzestliebe. Истерия (Rauk 1912). Психопатия (Holzhauzen 1924). Психопатия вследствие задержки развития. Депрессивен, невоздержан. Злоупотребление наркотикой.
- К а л ь в и н.** Int-ritrigo-Ekzem. Мигрени. Чихотка (Cabanès 1908), резкая форма шизоидии.
- С а с а г е н „Casarenwahnsinn“** не имеет ничего специфического. Большею частью психопатия, психогенно повышающаяся под влиянием среды (Hentag 1924).
- Ю л и у с Ц е з а р ь.** Алкогольная эпилепсия (Knauer 1899). Алкоголик, поздняя эпилепсия не исключается (Schaefer 1910). Артериосклеротическая ранняя эпилепсия (Kappgiesser 1914). Психопатия, вторичный алкоголизм. Генуинная эпилепсия исключается. Вероятно артериосклеротическая или алкогольная „эпилепсия“, или также истериформенные припадки.
- К а р д а н.** Тяжелая психопатия с чертами истерических и навязчивых состояний. Параноид, также подвержен галлюцинациям (по Rivarì и Ломброзо 1907/8).
- Ш о п е н.** «Nervositè excessive». Умер от туберкулеза легких (Cabanès 1899).
- К о л ь р и д ж.** Психопатия. Позже маниакально-депрессивный психоз и опиофагия (Duroou 1910).
- К о л у м б.** Религиозная галлюциаторная параноя с идеями величия (Ломброзо 1907). Параноя не исключается; однако надо также признать и шизоидию с религиозными суевериями. Один из яужительнейших случаев гениальности в истории.
- С о т т е.** Психопатия. Мистицизм с экстазами. (Dumas 1905). Маниакально-депрессивный психоз. Покушался на самоубийство (Dumas 1910). Manie с бредом величия (Esquirol) Шизофрения в приступах?
- К о н д о р с е.** Умер от эмболии, может быть также и от отравления ядом (Cabanès 1908). „Volontè incertaine“ (Herrero 1911).

- Курбэ. Психопат, почти имбецилен (по Hirsch 1894).
- Кромвель. Приступы сильной депрессии (Radestock 1884).
- Данте. Повидимому в сильной степени шизоидный психопат (по Ломброзо 1893/94).
- Дарвин. Неврастения. Депрессивен (Del Greco 1900).
- Дэви. Психопатия (по Оствальду 1909).
- Демель. Психопат. В юности имел эпилепсию (?) (Hennig 1912).
- Дидро. Тяжелая психопатия, сестра болела психически (по Grasset 1907)
- Дюген. Desequilibriert (Sanchez-Herrero 1910).
- Допицетти. Депрессивно-параноидный психоз (Cabanes 1906). Прогрессирующий паралич?
- Достоевский. Эпилепсия (Hess 1898). Припадки с пеной у рта (Leygue 1907). Fortschreitende Verstandes schwächung (Lourie по Grasse 1907). Эпилепсия (Сегалов 1908). „Истерическое страдание с псевдо-эпилептическими припадками“ (Rank 1914). Эпилепсия „не вполне установлено“ (Schilder 1924). Несмотря на все сомнения, все-таки — эпилепсия (с истерическим и психогенным наслоением).
- Дюма. Zwei syndrome geheilt (Grasset 1907). Шизоидия? Шизофренические приступы?
- Дюкеспоу. Гомосексуален (Eekhoud 1900; Moll 1910).
- Эврипид. Депрессивен. (Müller—Freienfels 1923).
- Фарадэй. Психопатия. Артериосклероз. Мизогиния (Tentsch 1915).
- Фехнер. Selbstschilderung (Möbius 1894). Нарушения психики психогенного характера (Бирибаум 1920). Психоаналитически (?) (Hermann 1926). Невроз при психопатии.
- Фейербах. Шизотимия (Strohmayer 1922). Шизоиднодепрессивный психопат.
- Флобер. Не умер во время эпилептического припадка (Michaut 1900). Умер в эпилептическом припадке (Glineau 1900). Истерия (Regnault 1900). Эпилепсия (Binet—Sanglé 1901). В процессах творчества находился будто в состоянии автогипноза (Fortin 1901). Истеро-неврастения (Dumesnil 1905). Эпилептик или истеро-эпилептик, во всяком случае психоневротик (Grasset 1907). Инцестозный комплекс, невроз (Reik 1911/13). Истерия (Бирибаум 1920). Невроз с припадками. Настоящая эпилепсия — маловероятна. Скорей, может быть, отдельные припадки аффективной эпилепсии.
- Фурье. Шизофрения (сравн. также Бирибаум).

Фридрих Великий. Всю жизнь похварывал (Mamlock 1902). Подагра (Ebst in 1904). Паранонд (Sommer 1917). Любил красивых юношей будто только из эстетических побуждений, а не из гомосексуальных (Vorberg 1921). Определенная психопатия.

Гаршин. Психоз (Louric 1905). Невроз, покончил самоубийством (Birstein 1914).

Го е с (Go. s) «Melancholie» (Duprè 1910).

Г е т е. Выраженная психопатия. Легкие маниакально-депрессивные фазы эндогенного характера (Möbius 1898). Субманиакальные состояния (S dger 1899). Подагра. Почечные колики (Ebstein 1904). Морфологически похож на бабушку с материнской стороны, психически похож на прадеда с материнской стороны (Sommer 1907/8). Невоздержанность (Berwald 1910). Либидиозная фиксация на сестру, также на мать (Rank 1912). Ревность к младшему брату (Freud 1917). Все признаки тяжелой психопатии. Приступы депрессии (Jacobi 1922). Сифилис (Фрейд 1898). Туберкулез легких, а не сифилис (Kirstein 1898; Hansen 1899; Frankel 1910; Gerber 1910; Hansen 1911, 1919). Lues, все-таки, вероятно (Schelenz 1919). Ясно выраженный психопат с хорошей компенсацией. Легкая циклофрения. В молодости туберкулез.

Ван-Го г. Шизофрения (Jaspers 1922). Эпилепсия (Бирнбаум 1920/22). Шизофрения с припадками и ненастоящая эпилепсия (Vorberg 1923). Психоз с шизофреническими чертами. Наверное исключить эпилепсию не представляется возможным (Schildt 1924). Шизофрения (Hulsijn 1914). Стиль в его творчестве не подвержен психотическому влиянию (Ries 1925). Эпилепсия с психотическими состояниями (Ebens 1926). „Эпизодические сумеречные состояния“. Шизофрения отрицается, также настоящая эпилепсия отрицается (Riese 1926). Вероятно смешанная форма шизоидного и эпилептоидного предрасположения, дошедшая до психотического состояния, вызванная наружу люэсом.

Гоголь. Психопатия (по Kaus 1912). Шизофрения (Gese-
tapp 1924).

Гонкур. Нервозность (Goncourt 1896). У Luies Goncourt прогресс. паралич.

Граббе. Психопатия (Piper 1898). Психопатия, алкоголизм, люэс, почти наверняка спичная сухотка (Ebstein 1906). Скорей алкогольный полиневрит, нежели спичная сухотка (Birnbaum 1920).

- Грипарцер. Депрессивно-психондрический психопат (Himmlsen 1908). Очень тяжелая наследственная отягченность. Инцестозный комплекс, невроз (Rank 1912). Тяжелая психопатия.
- Гварацци. Параноя (Mond II) 1900).
- Гуцков. „Paranoia persecutoria“ (Vleuten 1906).
- Науфф (Глуф). Тяжелая наследственная отягченность.
- Нюссер. Pathologischer Schwindler с гипомаликальным темпераментом (Reis 1921).
- Неббел. (Неббель). Сексуальный невротик. Садист. Его сновидная жизнь подтверждает теорию Фрейда (Sadger 1913). Выраженные психопатические черты характера („вырождение“) Очень жестокий характер, садист. Grübelsucht (Sadger 1920).
- Гейне. В 1837 году. Ophthalmoplegia interna. С 1846 года заболевание спинного мозга (Muthnig 1881). С 1832 г. Заболевание центральной нервной системы: спинальная, прогрессирующая атрофия мускулатуры, а к концу еще бульбарный паралич (Rohmer 1901), К концу жизни морфинист и опкофар (Vleuten 1903). Расстройство сознания личности (Birnbum 1920). Тяжелая психопатия.
- Гельмгольц. Волянка мозга, частые обмороки, мигрени (по Ostwald'у 1909).
- Гераклит. Беспокоен и депрессивен.
- Гарвей (Hergely) Нежная и депрессивная натура (по Binet 1904).
- Е. Т. А. Гоффман. Резко выраженная психопатия интолерантность к алкоголю. Алкоголизм отрицается (?). К концу жизни спинальная сухотка? Хорея? Алкогольный полиневрит? (Klinke 1908). Параною пьяниц Гоффман мастерски изображал (Klinke 1905). Тяжелая психопатия. Алкогольная интолерантность, умер от цирроза печени и от алкогольного полиневрита. (Domglas 1908). Эйдетики (Gh 1920). Подробную патографию о Гоффмане было бы легко написать.
- Гельдерлих. Раннее слабоумие (Möbius 1901). Раннее слабоумие (Vleuten 1906). Психопатия. Кататония (W. Lange 1909). Шизофрения (Jaspers 1922).
- Гюго. Чрезмерно повышенная потребность проявления своей личности (Cabanis 1902).
- Жанна де Арк. „Paranoia hallucinatio chronica“ или религиозная, параноя (Hirsch 1895). „Болезнь примыкает к группе шизофренических заболеваний“ „Почти вероятно парафреническое заболевание“

(Wölfling 1922). К этим обоим хорошо написанным патографиям Гирша и Вельфинга—психиатрически ничего не прибавишь: случай этот как в социологическом, так и в религиозно психическом отношении имеет выдающееся значение как весьма поучительный. Сравни об этом: Lange—Genie Irrsinn 1928 стр. 372—379 и 30 номеров литературы стр. 475—476.

Иисус. Психиатрическая литература об Иисусе начинается со времени Д. Штрауса (1835) и весьма обильна (l. c. s. 476). Из этой литературы особенное значение имеет: „Эпилепсия“? „Параноя“ (Rasmussen 1905). Параноя (Loosten d. h. Georg L. wer 1905). Гебефренический кризис в юности. Психопатия. Параноя (Binet—Sangle 1903—1912). Параноя (William Hirsch 1910). Необходимо различать с научной точки зрения историческую личность Иисуса и вымышленный идеал Христа, что только и дает возможность понять социологически и психологически. Если Иисус была личность психотическая (что весьма вероятно), то этот факт доказывает, насколько велика роль психопатологического фактора в истории. Это обстоятельство также доказывает, насколько важна и необходима совместная работа с психиатром в освещении культурно-исторических проблем. (Сравни новейшую самостоятельную патографию автора сей работы об Иисусе в книге Lange—Eichbaum „Genie Irrsinn“ 1928, стр. 379—404).

Иоанна Кастильская. Параноидная шизофрения (по Cuyllits 1912).

Джонсоп. „Циклотимическая натура“ (Allers по R ger 1911).

Иозефзонн. Психоз (Forster 1910). Шизофрения (Prinzhorn 1922).

Камбусе's. Эпилепсия (Ломброзо 1907).

Кант. Шизоидный психопат. Позже Dementia senilis и артериосклеротическое помешательство (по Wasiansk 1804 и Holzhausen 1924).

Готфрид Келлер. Сенильный психоз (Wille 1893. Birnbaum 1920). Аффективная, либидиновая фиксация на мать (Hitsch mann 1916). Выраженная психопатия, алкоголизм вследствие депрессии. К старости психотическое состояние.

Клейст. Гомосексуализм отрицается (Rahmer 1909). Тяжелая отягченность и психопатия, психически гомосексуален. Перенес один раз „душевное заболевание, protrahirter hysterischer Anfall“. Самоубийство как сексуальное переживание (Sadger 1920). В Майнце

месяцами болел неизвестно какой болезнью (Sadger 1910). Analyse des gemeinsamen sterbens (Jones 1911). Резко выраженный шизоидный психопат. Не исключается шизофренический приступ или шизофренический реактивный психоз во время пребывания в Майнце.

Клопсток. Психопатия (Holzhausen 1924).

Кернер. Бессознательное стремление «к самоубийству» т.е. в боях искал свою смерть. (Rank 1912)

Лэмб (Lamb). Алкоголизм. Маниак депрес психоз (Weir 1894).

Лаззаретти. Параноя (Ломброзо 1887, Rasmussen 1906).

Ленау. Тяжелая отягченность. Психопатия (Möbius 1901). Выраженная психопатия. В 1834 г. перенес приступ депрессии. В 1844 г. прогрессивный паралич (Sadger 1909). Невроз. В 1844 г. прогрессивный паралич (Rahmer 1911). Психопатия. Долго продолжающиеся депрессии. В 1844 г. прогр. паралич (Jentsch 1916). Прогресс. паралич (Vorberg 1922).

Лениц Dégénère superier. В 1777 г. психоз (Möbius 1903). Кататония (Weichbrodt 1920). Шизофрения (Mayer 1921).

Леонардо-да-Винчи. Психический гомосексуализм. Близко стоит к типам невротиков с навязчивыми состояниями, а также к типам подверженным «Grübelzwang» (Freud 1910—1919).

Лермонтов. Шизоидия.

Leuthold (Лейтольд). Психопатия, а впоследствии прогрессивный паралич (Vorberg 1922).

Психопатия и алкоголизм. Туберкулез легких. Цирроз печени. Прогрессивный паралич (Weichbrodt 1924).

Линкольн. Периодическая депрессия (Clark 1921).

Лингг. Астенический неврот. Перенес психоз: «неврастеническое помешательство» (Jentsch 1917). Психопатия. Вероятно шизофренический приступ. К концу жизни артериосклеротическая дементность.

Клод Лоррэн. «Невроз испуга» (Jentsch 1915). Латентная шизофрения? (Haumann 1919).

Лойола. Тяжелая истерия (Lomeg 1913).

Людвиг II Баварский. Параноический психоз (Lit. l. c. s 479).

Людвиг Отто. Истерия (Sadger 1894). Психопатия и тяжелый невроз (Jentsch 1913).

Лукреций. Вероятно, циклофрения. Покончил жизнь самоубийством. (По Stampini 1896 и Ломброзо 1897).

Лютер. Также Лютер представляет поучительный пример для изучения вопроса о громадной роли патологического в истории. Мы собрали 23 работы с психиатрическим освещением, посвященных Лютеру (I. с S. 408, 479). По отношению к патологическому у Лютера, существует удивительное единодушие. Лютера приходится рассматривать как неклонного психопата тяжелой степени, в смысле легкой циклофрении (маниак-депресс. психоз). Иногда границы психопатии стираются и переходит в душевную болезнь (так, наприм. было в 1527 году).

Манцони. Тяжелая степень психопатии со многими фобиями. (Ломброзо 1907).

Марат. Диабет. Intertrigo—Ekzem (Cabanès 1895). Экцентричный психопат (Maimlock 1922).

Мопасан. «Нежная натура», «Nervosisme». «Délire chronique progressif» (Z. Laassagne 1907). Прогрессивный паралич (Vorberg 1908). Описание прогрессивного паралича. Délire systématisé progressif Rémind 1908). Прогрессивный паралич с 1883 по 1884 (L. Griff 1908) Наследственная психопатия. 1880 г.—Iritis в 1882 г. о th. Anomalie infantile. Мигрени (настающая мигрень? Или как ранний симптом другой болезни?) Злоупотреблял много наркотиками. В 1883 г. галлюцинации. С 1882 года по 1885 г. быстрое нарастание продуктивности (патологической). В 1885 г.—изменение характера, «другой стадия». С 1885 г. тяжело болен. Болезнь нарастает до 1890 г.; лютический Vogstadium; после 1885 г. прогрессивный паралич абсолютно установлен с 1887 г.). Сравнение с Ницше у W. Lange (1900). Люс. Прит в 1880 г., нарушение со стороны врачей в 1883 г. Латентный период продолжался 10 лет, а с 1891 г. прогрессивный паралич (A. Lacassagne 1910). Отрицается заболевание притом (L. Andolt 1910). Люс в 1873 г. эпилепсия (?) в форме мигрени. Прогрессивный паралич в 1890 г. (Pillet 1911). Люс в 1873 г. (23 лет от роду). Мигрени. Прогрессивный паралич. (Vorberg 1922).

Роберт Мейер. «Невропат от рождения». «Предрасположение к маниакальному состоянию». Психотические приступы депрессии (Fentsh 1914). Психопатия. К концу жизни—падение интеллектуального уровня (Timending 1925). Психопатия. Маниакально-депрессивный психоз или смешанный психоз

Менцель. Нарушения со стороны гипофиза, вызванные водянкой мозга. Некоторые симптомы имеют эпилептиформенный характер (по Weygand 1924).

Мейер (Конрад Фердинанд). Конституциональная депрессия. Запоздалое развитие. В 1892 г. «инволюционная меланхолия» (Hess 1901). Dementia praecox (Möbius 1907). Психопатия. В 1887 г. «истерия». В 1892 г. «сенная меланхолия» (Sadger 1908). Маниакально-депрессивный психоз (W. Lange 1909). Циклопатия. Маниакально-депрессивный психоз (Hellpach 1909).

Микель-Анжело. Много психопатических черт в его характере. Недовольно-депрессивный характер (по Ломброзо 1893—1894). Гомосексуален (Praetorius 1900). Относительно «Моисей» Микель-Анжело см. Фрейд в 1914 г. Депрессивен. Выразительный шизоидный психопат с гипохондрическими и параноидными чертами характера. Предрасположение к гомосексуализму.

Магомед. Истерия с галлюцинациями, а не эпилепсия (Steppen 1861). Отрицает также эпилепсию (Mohrget Bey 1902). Влияние патологического на окружающую среду (Rasmussen 1905). Очень нервный субъект, судорожные припадки, Галлюцинация (Binet-Sanglè 1910). Истерия (Binbaum 1920). «Истерическая» личность стремящаяся к проявлению своего Я. Много Pseudologia phantastica. Псевдогаллюцинации. Психогенные самовнушения. экстазы на архангелской почве: Darstellung der Gotterfülltheit. Эпилепсия нет.

Мольер. «Конвульсия» (Moreau 1859). Подвержен гипохондри и меланхолии (Larroumet 1897). Ослабленный организм, чувствителен, депрессивен (по Vialard 1908). Психопатия с певротическими (истерическими) припадками.

Мерике. Тяжелая наследственность. Психогенная гипохондри. Конституциональная певрастения» (психопатия). (Müller 1921).

Морфи. «Имбидильность» при односторонней одаренности. «Вундеркинд» с исходом в психическую слабость (Becker 1921). Шизоидная психопатия. Шизофрения.

Моцарт. Припадки слабости. К концу жизни депрессивен (Dreite 1855). Ушная раковина имела уродливую форму и остановилась на низшей ступени развития (Gerber 1898). «Чрезвычайно нервный субъект» (Bargaid 1905). Подвержен приступам глубокой печали (Züsel 1918). Вундеркинд. Психопатия. К концу жизни—депрессия с идеями преследования.

Мюссе. Алкоголик. Переживал при этом «кризисы» (Cabanès 1887). Психопатия. Алкоголизм с галлю-

шницами (Grasset 1907). Подвержен крайнему аффективному возбуждению. (Antheaume 1908). Тяжелая психопатия. Злоупотребление наркотиками.

Наполеон. Страдал тиком (лица). В 1806 г. галлюцинация (Moreau 1859). Судороги в плечах, губ и в икрожных мышцах. (Ломброзо 1882). Два раза имел эпилептические припадки (Krenkel 1890). Умер от рака желудка (Vierordt 1893). Неимоверная возбудимость и раздражительность. Невоздержен. Припадки (Taine 1893). Эпилепсия отрицается (Andren 1896). Тики. Очень суеверен (Cabanès 1896—1897). Эпилепсия отрицается (Regnard 1898). Эпилепсия подвергается сомнению (Pelman 1901). Припадки с потерей сознания (Ломброзо 1907). Не настоящая эпилепсия, припадки, но психически—эпилептический характер (Cabanès 1908). Очень нервный характер. Удивительно странные формы сна. Умер от гипертрофического уплотнения печени (Dumstreya 1909). Отрицание эпилепсии (Seeligmüller 1910). При Ватерлоо болел соматически (Cabanès 1911). Вопрос относительно эпилепсии разбирает (Kangieser 1912). Относительно любви Наполеона к его сестре (Rank 1912). В 1814 г. «Besonnenes Delirium» эпилептоидного психопата (Haberkant 1914 Dazu Kahn: normale Angstzustände mit absichtlicher Amnesie). Тяжелая отягченность. Генуинную эпилепсию—нужно отвергнуть. Эпилептоидное вырождение. Аффект эпилептический психопат. Судороги и Absens'y при аффективных приступах (Haberkant 1914). Тяжелая нервозность, «импульсивный человек». Фиксация либидо на мать, враждебное упрямство и непокорность по отношению к отцу своему. (Tekel 1914). По натуре подобен матери; исполнял роль матери (в семье). Интровертированная натура (Vodoz 1914). Отрицание эпилепсии (Grubbe 1912). Жажда власти, в одно и тоже время чрезвычайно повышенная чувствительность, вероятно раздражительен (Hoffmann 1926). Необычайно тяжелая психопатия с неврозом и невротическими припадками психотенного происхождения. Генуинную эпилепсию нужно отвергнуть. Для отдельных состояний его психики диагноз «аффект эпилепсия» был бы наиболее близким.

Н е р в а л ь. Периодически болел психически. Окончил жизнь самоубийством (Barine 1895, Grasset 1907). Алкогольный психоз (Barbier 1907). Шизоидный психопат, впоследствии парааноидная шизофрения (Holzhausen 1926). Все данные говорят преимущественно за шизофрению (приступами); может быть и смешанный психоз.

Ньюто н. Параноидная депрессия (Grasset 1907). Поздняя шизофрения (Кречмер 1921).

Николай, Отто. Умер от руптуры аневризми, вследствие люэса (Michelsen 1913).

Ничше. Психопатия. Мигрень. С 1881 г. по 1882 год прогрес. паралич (Möbius 1902). Хронически протекаемое возбуждение, вследствие яда люэса (Bierre 1905). Астеник, «прогрессивный паралич вследствие отравления гашишем» (?) (Cohn 1910). «Истерия Virilis с исходом в параною» (Stekel 1917). «Параною» отрицается. «Функциональный невроз». Прогрессивный паралич, но не с 1881 года (Saaler 1917). „Неврастения в самой тяжелой степени“. Только с 1888 года надо считать начало прогрессивного паралича (Müller 1921). Атипичная форма прогрессивного паралича (Vorberg 1922). Психоаналитически (у Мохон 1923). С 1877 по 1879 год тяжелая депрессия. „per böser susamme bruch“. В октябре 1888 г. прогрес. паралич (Hildebrandt 1924). Люэс в 1865 г. заразился в борделе? С 1873 г. заболевание центральной нервной системы, достигшее в 1880—81 г. нантяжелой степени. В 1881 г. поворотный пункт в болезни: эйфория. В октябре 1888. прогрес. паралич. До этого церебральный люэс (Benda 1926. До сих пор лучшая патография о Ничше). Психопатия наверное недоказана (?). С 1873 по 1880 г. невроз. В конце 1888 вероятно, прогрес. паралич (или сифилис мозга) (Hildebrandt 1926) Психопатия. церебральный люэс, затем перешедший в прогрес. паралич.

Нодиег. Астенический психопат (Baudin 1903).

Рапизза. Параноидная шизофрения (по Lippert 1926).

Парменид. Сравн. Gomperz 1924. Крайняя степень шизоидии, с резко выраженной сексуальностью?

Паскаль. Крайняя степень первости. Фобии (Lélut 1846). Определенно выраженная психопатия (Regnard 1899, Binet 1899, Lombroso 1907). Навязчивые идеи (Larguier 1921). Фобии (Hermann 1925).

Павел (апостол). Слабый организм (Renan 1879). Вероятно эпилептик (Krenkel 1890). Параною (Hirsch 1910). Отрицание эпилепсии (Seeligmuller 1910). Paranoia hallucinatoria chronica Kanngiesser 1912). Истерия. Невроз навязчивых состояний. Припадки (Pfister 1920). Эпилепсия весьма сомнительна (Grubbe 1922). Психопатия. Гомосексуализм (Мохон 1922). Шизоидный психопат; резко выраженная истеричность. Невроз. Эпилепсия не имеется.

- Петрарка. Определено выраженная типическая психопатия (по Ломброзо 1907).
- Платтеп. Гомосексуализм (Freu 1899, 1904). Астеник, женственный, первый, легко возбудимый (Lechler 1924).
- Поэ. Deséquilibré. Алкоголик. Delirium tremens (Barine 1897) Алкоголизм, делириозные приступы; „настоящая динсомания“. Эпилепсия, умер в делириозном состоянии от воспаления легких (Vleuten 1903). Тяжелая форма „dégénères ence“ с динсоманией (Lau rière 1904). Вырождение, водичка мозга. Динсомания. Эпилепсия, навязчивые идеи. Алкоголизм, морфиязм, опиофания (Grobst 1908). Динсомания. Алкоголизм. Злоупотребление опиумом (Duron 1911). Периодические депрессии, алкогольный делирий, злоупотребление опиумом (Vipbaum 1920). Тяжелая психопатия с депрессиями. Наркомания, эпилепсия весьма мало вероятна.
- Де Квипси. Тяжелая наследственность. Психопатия. Опиофания. Навязчивые идеи (Barin 1895, также Vleuten 1903).
- Рени. Парацитарная психопатия (Magri).
- Ретель. Прогрессирующий паралич (Vorberg 1923).
- Рейтер. Динсомания, но не эпилептическая. Психопатия, алкоголизм, Delirium tremens (Albrecht 1907). Циклоид, haltloser психоз, алкоголизм как вторичное явление. Легкая степень маниакально-депрессивного психоза?
- Робеспьер. Психографию о нем написал Freimark 1913. Эпилептоид? Шизофрения в 32 года? (Hentig 1924).
- Розетти. Психопатия (по Нордау 1893).
- Россини. Прессивная депрессия? (по Filippi 1892). Выраженная психопатия (по Röss: 1903).
- Руссо. Ж. Ж. Moral insanity (Deuskerlost 1883). „Невропатическая конституция“. С 1766 г. „первичное сумасшествие с бредом преследования“ (Hildebrand 1884). „Вырождение“. Параной (Möbius 1889). Психопатия бред преследования (Sabaniés 1898). Умер от апоплексии (Sabaniés 1911). Этика его как следствие слабых сторон его характера (Wexberg 1914). Шизофрения, позже христический параной. (Demci 1918). Отрицание параной. Бред преследования вытекает из его психопатии, а также вследствие влияния окружающей обстановки (имел действительных врагов). Умер от сотрясения мозга—во время уремического приступа (Vorberg 1921). Психо-сексуальный

инфантилизм. Параноя (Stekel 1922). Beziehungswahn aus Inversion. Бред преследования. Шизофрения отрицается, также паранойя. Параноя (Haidenhain 1924). Параноя (Johann Lange 1925). Психовалитически—La Forgue 1927). Параноя.

Рубенс. Полагра (Ebstein 1904).

Маркиз де-Сал. Психоз отрицается (Cabanés 1900).

Сен-Пьер. Délire d'interprétation (Saint Pierre 1904, Libert 1911).

Сен-Симон. Pathologisches Selbstgefühl (Dumas 1905).

Сарто. Вытесненный гомосексуализм (Jenes 1913).

Саванарола. Галлюцинации (Pinet 1910). Параноя (Дембросо 1907) Шизоидный психоз.

Скаррон. Туберкулез половочлена (Cabanés 1898).

Шеффель. Наследственно отягчен. Алкоголизм. Dementia praecox (Möbius 1907). Тяжелая отягченность, алкоголизм. С 1860 г. бред преследования. «Тяжелая невращенная» (Müller 1921). Психозы. Невротик. Алкоголизм. Однажды пережил параноидный симптомомомплексе. Шизофрения отрицается.

Шиллер. Сестра его страдала истерическими припадками (Rank 1912). Inzestkomplex (Sachs 1916). Депрессия с переживаниями разочарованности жизнью. Судорожные припадки ибратического характера, «бегство в болезнь». Симптомы приступов страха. Комплекс Эдина (Teller 1921) Невротик.

Шопенгауэр. «Мания величия» (Seidlitz 1872). Первый от рождения. Приступы страха, депрессии (Möbius 1899). В 1823 г. Сифилис (Bloch 1906). Вследствие болезни сифилисом—пессимист (Mehler 1906). Пессимист вследствие болезни сифилиса (Wolf 1906). Сифилис не доказан, умер от болезни сердца (Ebstein 1907). Конституциональные депрессии. Возвиль. Параноид. Невротик (Hitschmann 1913). Депрессия (Kollarits 1917). Латентный гомосексуализм. Невроз страха (Echler 1926). Чрезвычайно тяжелая психопатия. Невроз.

Шубарт. Депрессивный психоз. Злоупотребление алкоголем (Birnbaum 1920).

Шуберт. Алкоголизм с 15 лет.

Шуман. Умер от прогрессирующего паралича (Richarz 1873). Прогрессирующего паралича нет, но имеется Dementia praecox (Möbius 1906). Dementia praecox отрицается, но признается циклотимия (легкая форма маниакально-депрессив. психоза) до 1850 г. а затем, вероятно, прогрессирующего паралича.

сивный паралич или тяжелая органическая (может быть люэтическая) болезнь мозга (Gruhle 1906). Эндогенная болезнь (Möbius 1907). Маниакально-депрессивный психоз (Nathan, Dupré). «Конституциональная психостения», невроз страха. Прогрессивный паралич (Pascal 1908). Сын—психический больной (Blaschke 1909). Психопатия с приступами депрессии. С 1850 г. прогрессивный паралич или похожее на эту болезнь экзогенное заболевание мозга (Lües Celebri и проч.).

Сегантии. Психопатия (по Abraham 1911).

Сембе. Параноик (Zuccarelli 1894).

Шекспир. Vaterkomplex. Невроз. Гомосексуальные наклонности (Rank 1912). В 1601 г. тяжелая депрессия (Iekels 1917). Психопатия.

Шелли (Schelly). Резко дисгармоническая натура (по Ломброзо 1894). Schwesterinzestmotive (Rank 1912). Шизотимия с истерическими уклонами: (Moore 1922).

Сметана. Прогрессивный паралич (Feis 1910).

Смит. Основатель des Monimentums. Необразованный и лишенный способностей психопат. Истерический фантаст. Pseudologia Phantastica (по E. Meyer 1912).

Содома. Гомосексуализм (женский). (Kupffer 1908). Гомосексуализм под вопросом (Moll 1910).

Сократ. Галлюцинации (Lélut 1836). Daimonion gleich „Gewissen“ (Knauer 1899). «По меньшей мере бисексуален» (Kiefer 1908) + Schierling (Cabanès 1908). Гомосексуализм. Внутренняя борьба против этого (Gomperz 1924).

Штауфер-Берн. Мания (Birnbäum 1920).

Стриндберг. Параноя (Hirsch 1894). Меланхолия (Rahmer 1907). Параноя (Lagriffe 1912). Атипичическая шизофрения (Storch 1921). Психопатия. Бред ревности. Шизофрения или парафрения, или параноический процесс приступами с 1882 г., достигший в 1892-1897 г. свое наивысшее развитие, а затем свое исходное состояние (Iaspers 1922). Парафрения, протекавшая в различных фазах.

Сведенборг. Theomanié raisonnante (Ballet 1899). Галлюцинация, бредовые идеи (Ломброзо 1897). Психоз отрицается (Hoffmann 1909). Параноя (Pelman 1909). Параноя (Hitschmann 1913). Парафрения (Kleen 1917). Шизофрения (Iaspers 1922). Отрицается шизофрения (Gruhle 1924). Психопатия с экстазами, редко настоящие галлюцинации. Шизофрения не

имеется (Gruhle 1924). Шизофрения определенная. Истерия отсутствует, также отсутствует мистика присущая нормальным (Iaspers 1926). Психоз безусловно. Шизофрения или парафрения.

С в и ф р т. Творчество его в здоровом состоянии (Jacobsen 1921). Маниакально-депрессивный психоз (Reid 1913). Резко выраженная психопатическая личность.

Т а с с о. Психопатия. Шизофрения с галлюцинациями и с идеями преследования (См. 12 психиатрических исследований I. с. S. 491).

Т о л с т о й. Мазохизм, склонность к самоубийству (Lougié 1905). Психопатия (по Freimark 1909). Дисгармоническая психопатия. Невроз страха. Меланхолия (Ossipow 1923). Депрессивная инволюция, «истерические» черты характера. Мазохизм.

Т р е п к. Сложная психопатия (Holzhausen 1925).

Т у р г е н е в. Pseudologia phantastica. К концу жизни психотичен (по Radestock 1884).

В е р л е н. „Циркулярный“ (Nordau 1893). Вырождение, алкоголизм (Ломброзо 1907).

В и л ь м е н. Тяжелая наследственность, бред преследования (Grasset 1907).

В о л ь т е р. Гипохондрический неврастеник (Roger 1883). Астеник. Определенно выраженная психопатия с гипохондрией.

Р и х а р д В а г н е р. Манья величия и идеи преследования (Puschmann 1873). Вырождение (Nordau 1893). В 40-х годах всеми считался „помешанным“ (Hirsch 1894). Психопатия (Saitchik 1900). Гомосексуализм под вопросом (Moll 1910). Его интересовали женщины только замужние (фиксация на мать) (Graf 1911). Pubertätsphantasien в Лозингии (Rank 1911) Kunst aus Leiden an sich selbst (Rank 1912). Отсутствие темперамента, присущего немецкой расе (Rutz 1913). Психопат с истерически-подобным характером, с потребностью проявлять всюду свою личность. Часто невротичен.

В е й н и н г е р. Вырождение; истеричен (Möbius 1904) Dégénééré. Истерия. Маниакально-депрессивный психоз (Probst 1904). Шизоидный психопат. Шизофрения.

У и т м а н. Эротичный и эксцентрический дегенерант (Nordau 1893). Гомосексуален (Bertz 1905, Praetorius 1916).

У а л ь д. Гомосексуализм (Gaulke 1901). Praetorius 1901).

Вильгельм II. Имеется 10 патографических работ о нем (I. с стр. 493), котор. неправильно освещают психоз у него. Ювенильный психоз с изменчивой психикой.

Wilson. Чувство недостаточности с чрезмерной компенсацией (Hale 1920).

Гуго Вольф. Циркулярный психоз (Vöhmig). Прогрессивный паралич (Vorborg 1922).

Золья. Психопатия. Невроз с навязчивыми состояниями (по Toulouse 1896-1902).

III часть.

Общая сводка всех до сих пор сделанных исследований.

В первой части этой работы мы вкратце рассмотрели историческое развитие различных взглядов и борьбу различных мнений вокруг общей проблемы „гениальность и помешательство“ с античных времен до настоящего времени. Эта тысячелетиями длившаяся дискуссия привела, наконец, к потребности создания как можно большего количества работ и к более основательному исследованию отдельных личностей, согласно современного состояния науки. Иначе говоря: к требованию изучения как можно большего количества материала—большого количества патографий. Сводку этих последних мы, правда весьма кратко, изложили во 2-й части этой работы.

Главным и основным положением, которое вытекает из этих давних исследований, является то, что проблема „гениальность и помешательство“, как таковая, существует и требует своего разрешения; это есть действительно проблема (если, конечно, понятие „помешательство“ будет понято в самом широком смысле и *cum grano salis*), которая, вытекает из реальной жизни, даже если рассматривать эти основания со строго научной точки зрения, а потому—настоятельно требует своего разрешения.

В громадном большинстве случаев (как мы видели из обзора) у великих людей, перед которыми преклонаются как перед „гениями“, удаётся установить всевозможного рода биологически неблагоприятные аномальности, психопатии и душевные болезни; и именно, в тех же формах, которые мы повседневно наблюдаем в психиатрических клиниках.

Осветить проблему связи этих 2-х явлений и ответить на вопрос, в чем заключается эта связь—остается труднейшей задачей, несмотря на все вышедшие до сих пор работы.

Оставим теперь в стороне исторический обзор всех до сих пор нам известных попыток разрешения проблемы и перейдем к фактическому пересмотру этой проблемы, с современной строго критической точки зрения, причем будем останавливаться только на тех авторах, которые, по нашему мнению, дали нечто существенное и подлежащее дискуссии, облегчающее понимание этой проблемы.

При этом мы можем без всяких сомнений отбросить или оставить в стороне все то, что с современной точки зрения может быть принято не в серьез—например: старое мнение о том, что в лице гения творит сам бог, демон, „демоническое“ или „абсолютная душа мира“,—также уже устаревшая эпилептическая теория гениальности Ломброзо, и еще многое другое.

Гений—как это делали все авторы без исключения—принимается как готовая данность.

Гений—есть человек с высокой психической продуктивностью, а потому (так думают все авторы) с высшим творческим интеллектуальным дарованием. При этом многие исследователи (Möbius, Hirsch, Loewenfeld) допускают возможность идеи перехода от высших типов к низшим (таланты различных ступеней квалификации).

Если же мы бы пожелали выделить тех авторов, которые к общей проблеме дали наиболее существенное, то здесь мы натолкнулись бы на невероятные трудности. Здесь мы обречены до известной степени (и это надо подчеркнуть) на некоторую произвольность действий. Некоторые исследователи, например, имеют громадные заслуги в том, что они собрали большой материал и тем способствовали подведению фундамента к общим положениям проблемы, но разрешения самой проблемы не дали.

Другие, наоборот, одной единственной патографией часто приводили к разрешению существенных частей общей проблемы, другие же в набросках как-бы вскользь бросали новые идеи без того, чтоб на них дольше останавливаться. Вследствие всего этого, общая сводка всех данных не поддается суммированию по авторам. Приходится это делать по группировкам различных точек зрения, отмечая при этом только самое существенное.

Уже довольно рано зарождается идея о том, что гении заблевают перво психически, вследствие *перерождения*, т.е. вследствие их гениально-продуктивной деятельности.

Так думали, например: I. G. Zimmerman (1786), Rewillé-Parise (1833) Radestock (1884) и также Binder (1892-1894). Причем, некоторые авторы были убеждены в том, что гении имели прирожденную предрасположенность к легкой раздражимости центральной нервной системы (теория Moreau и под его влиянием Radestock). Другие же (например, Binder) были того мнения, что „помешательство“ гения не есть нечто наследственно приобретенное, а есть „профессиональное заболевание гения“

т.-е. заболевание, вызванное опять таки перенапряжением нервной системы.

Такие взгляды, господствующие еще до сих пор в представлениях обывателей — теперь оставлены. Переутомление, конечно, может вызвать временную неврастению, но в большинстве случаев тогда тут дело идет о псевдоневрастении (в смысле Bleuler'a), т.-е. частично соматически обусловленное, частично психогенно вызванное невротическое заболевание. Тут у людей с повышенной творческой продуктивностью может быть речь только о чистых неврозах, психоневрозах. Первое же заболевание, приобретенное вследствие истощения нервной системы, бывает весьма редко. Как пример можно указать на Рафаэля, который в последние годы жизни, вследствие перегруженности заказами, был истощен и депрессивен, следовательно, повидимому, был невротичен вследствие переутомления, вернее, был подвержен псевдо-неврастению.

Точно так же устарело мнение, что переутомленным от работы гений может впасть в психоз, как это думали Rewillé-Parise и Binder. Еще в 1900 и 1907 г., Grassét дал соответствующий отпор таким воззрениям. Если-б это было так, тогда бы мировая война недавнего времени повела бы к бесчисленным психозам. А ведь переутомление и лишения на войне, переживаемые участниками (физические лишения, психические аффективные переживания) куда тяжелее, чем сравнительно легко без особого напряжения созданное творение художника.

Гипотеза психического истощения гения, вследствие переутомления при гениальной продуктивности, ни в каком случае не выдерживает критики и ровно ничего не дает для разрешения нашей проблемы.

Также мало имеют основания взгляды Möbius'a (окло 1900 г.), что односторонность прирожденного таланта (в музыке или живописи) одновременно нарушает гармонию здоровья личности. По этой теории равновесие данной одаренной личности нарушается уже от того, что имеется талант и вследствие этого в результате-дисгармония и „вырождение“. Точно так же похоже на эту теорию мнение Grassét (1900-1907), который болезнь гения иногда обозначал как „расплату“, которую он должен платить за то, чтобы быть гением.

Но тут надо опять-таки напомнить, что Рафаэль, Тициан, Рубенс, Verdi и проч., стоявшие несомненно высоко в отношении гениальности, насколько возможно доказать—совершенно здоровы.

Этим мы устанавливаем весьма важное положение, что гений сам по себе может быть совершенно здоров, т.-е. необязательно чтоб он был болен и был болезненным. Психическая болезнь не есть вовсе безоговорочное существенное условие, чтоб быть гением (как это думали: Moreau, Ломброзо Arndt и мног. друг.) Что действительно здоровые гении имеются, указывали помимо противников Ломброзо еще и Левенфельд (1903) Grassét (1907)

Reibmayer (1908). Но вся суть в том, что здоровых то гениев в громадном *меньшинстве*; иначе бы и не существовало и самой проблемы „гениальность и помешательство“ и вообще такая бы проблема не держалась бы так долго и серьезно в истории.

Следующее положение, которое мы можем выставить, будет такое: Большинство гениальных людей или гениев никогда в буквальном смысле не было подвержено „помешательству“, никогда они не страдали настоящим психозом. Правда, имеется *весьма много* у них и психозов, но в момент самого процесса творчества в очень редких случаях. Ценность такой продукции в состоянии психоза часто многими авторами (именно рационалистически и критически к этому вопросу относящимися) берется сильно под сомнение, и во всяком случае остается весьма спорным. Можно считать основную идею, существующую от античных времен до Ломброзо, о том, что гениальное творчество происходит именно в момент *Dementia* — приступа помешательства, или в момент психического эквивалента (эпилептического) окончательно опроверженной.

Еще Форель (1900) выразил кратко следующее положение: „всерьез нужно принять во внимание у гения только его конституциональную наследственную психопатию“. И в действительности, мы можем утверждать как положение научно установленное, что в громадном большинстве случаев все гениальные люди — психопаты. В этом утверждении все осторожные, беспристрастные крики — эклектически настроенные исследователи, пришли к единому заключению. Еще в учении Моро (1859) можно констатировать, правда, в других выражениях, эту мысль. Radestock (1884) говорит приблизительно, то же самое. A. Arndt (1883, 1895) довольно точно и довольно определенно высказывается именно за такое понимание. Мысль о том (говорит Arndt), что переутомление ведет к болезни или односторонняя одаренность ведет к тому же, — нужно отвергнуть и признать, что только прирожденная *конституциональная* оляченность делает личность гения психопатической и дисгармоничной; и именно эту психопатию нужно признать как результат резко выраженной наследственности от предков, которая распространяется также на потомков. «Интеллект у такого дегенерированного может быть интеллектом гения» (говорит Arndt 1895), а в фамилии всегда можно констатировать много психозов. Легкая ранимость первой системы, изменчивость и резкое ослабление сопротивляемости организма, морфологические стигмы дегенеративности, и вообще, все симптомы дегенерации у гениев мы находим те же самые, что и у обыкновенных дегенератов. И Форель (1900) констатирует также, что у многих наследственно дегенеративных семей гениев, талант, душевные заболевания, психопатия и даже идиотизм часто между собой сменяются. В таком же смысле высказывается и Sadger (1910). Он также находит, что гении все

без исключения отягчены, т.-е. так или иначе связаны с наследственной психопатией, и находит те же симптомы отягченности, что и у *dégénééré inférieur*. В таком же роде высказывались некоторые новейшие исследователи, так напр., Aschaffenburg (1909) Binbaum (правда, с чрезвычайной осторожностью (1920-24).

Если же единичные психиатры под влиянием впечатления хорошей компенсации личности у данного гения и при стремлении к самосовершенствованию своей личности (например, у Гёте) поддавшись иллюзиям самообмана, оспаривают у большинства призванных гениев всякую психопатию -- то это их дело. Большинство же опытных и научно мыслящих психиатров всегда констатируется у гения психопатия, которая сквозит даже там, где удается ему изобразить себя (в своем произведении) в выгодном свете.

Раз психопатия есть установленный факт у большинства великих людей, то, часто высказываемое положение (Нордау 1892), что раз произведение создано гениальным человеком, дегенератом, то значит, произведение этим самым обезценивается, и не есть уже произведение гения—является совершенно беспочвенным. В этой формулировке это положение, во всяком случае, не выдерживает критики, именно когда человеческая продуктивность берется в такой оценке. Скорей можно было это положение в обратном смысле высказать. Но об этом после.

Из психопатической конституции большинства гениев вытекает само собой много других выводов. Если мы представим себе, что многие психоневрозы, как таковые, происходят вследствие напряжения нервной системы, вытекающие из переживаний внутренних душевных конфликтов, то делается нам тут же понятным, что этот же невроз скорее развивается (если не полностью, то, во всяком случае, частично) на почве врожденной психопатической конституции. После этого нас не должно удивлять, что у великих людей часто бывают *психоневрозы* (как это часто констатируется также психоаналитиками) Мнение Stek-ля (1909), что великие люди, гении, суть всегда невротики—односторонний взгляд.

Также душевные переживания, трактуемые как „Ausnahmestatus“ (экстазы, инспирация, погружение в себя и т. д.) протекают на почве психопатии *в более резких формах*.

Эти состояния потому и производят впечатление „поменательства“ для наивных античных времен, а также для профанов и даже психиатров (так, Ломброзо принимал рассеянность и погруженность в себя Бетховена как „эпилептическое“ состояние).

Точно так же необычайную страсть у великих людей к наркотикам надо связать с их врожденной слабостью центральной нервной системы, с психопатической конституцией. Страсть к наркотикам всякого рода (алкоголь, морфий, опиум, гашиш),

как это описано в патографиях великих людей, вызывается жаждой эйфории, чтобы выравнять свою биологическую недостаточность. Прирожденная конституциональная отягченность обуславливает собой то обстоятельство, что у великих людей (часто после того, как уже созданы выдающиеся произведения) психопатия переходит в психоз.

Также и это обстоятельство подмечалось уже и раньше авторами: Rewéillé—Paris, Moreau, Schilling (1863), Radestock, Arndt и в особенности Toulouse (1897). Этот автор часто подчеркивает, что невротизация предрасполагает отчасти к творчеству выдающихся произведений, отчасти к психопатическим нарушениям, к психозу (но не является обязательным условием гениальности).

К этому положению автора мы в настоящее время не можем ни к чему придраться.

Этим самым мы уже подошли вплотную к самому трудному и кардинальному вопросу в проблеме гениальности. Находится ли психопатия и высшая степень одаренности между собой в какой-либо существенной зависимости? Или мы здесь имеем простое сосуществование 2-х явлений, независимых друг от друга?

Некоторые авторы того мнения, что эти явления друг от друга не зависят. Так Grasset (1907) утверждает, что интеллигентность не происходит из болезни; Del Gesco (1908) думает, что натура гениальных людей составляет из силы и недостаточности.

Этим воззрением противопоставляется другое воззрение других авторов, которые именно утверждают, что недостаточность, невроз, психопатическое, с одной стороны, и высшая одаренность—с другой, находятся именно в какой-то причинной связи и тесно связаны между собою; или вернее, скажем мы здесь, чтобы быть точным (оставляя свои личные взгляды в стороне) психопатическое связано с высшей продуктивностью, с высшим творчеством. Сравнительно проще представляют себе эту связь старые исследователи (хотя их мнение нельзя так легко игнорировать). Как мы видели, Моро (1859) утверждал, что у гения органически и физиологически повышенная раздражимость нервной системы есть источник повышенной же психической продуктивности гения. Немного иначе утверждали Colonna d'Istria (1889) и Toulouse (1897). Их взгляды были сформулированы несколько иначе Antheaume A Dromard (1908) и именно так: гениальность не есть эссенциальная болезненность, но развивается из тех же условий, из которых возникает болезнь и именно из особенности их темперамента. Болезнь при этом может его более индивидуализировать, может повысить фантазию и аффект, но за то плохо влияет на интеллект.

Также Aschaffenburg (1909) не видит ничего случайного и не находит редким явление сопутствия первых симптомов

с высшей продуктивностью. Этот автор говорит так: «нервность и гениальность суть формы проявления одной и той же психопатической предрасположенности». Повышенная чувствительность и восприимчивость дают возможность к смелым, до сих пор невиданным комбинациям, а с другой стороны, ведут к более глубокому мышлению и углублению чувств, что ведет к высшей деятельности и гениальному размаху.

Громадное количество случаев гениальности, нам кажется, хорошо совпадает с такой формулировкой, именно, когда эти случаи психологически подробно проанализировать и дифференцировать (как I. c. S. 276—281) и когда еще условимся при этом оба явления (гениальность и психопатия) понимать не как различное проявление одного и того же состояния, а как сочетания этих двух явлений путем смещения, причем психопатическое здесь как-то действует стимулирующе на (прирожденную) одаренность.

Наконец, мы встречаемся еще и с теорией, которая рассматривает гения как уточненный облагороженный распад высшего типа человека. При этом здесь не подразумевается это в том вульгарном смысле, как понимали и понимают теперь все противники Ломброзо, которые говорят: гений есть высшее развитие человеческого типа — Homo sapiens, приблизительно так же, как какой-нибудь потомок от обезьяны шимпанзе или неандертальский человек развился до состояния современного культурного человека. Не в таком смысле это понимается, а в том смысле, как это понимают ботаник или зоотехник: облагораживание и культивирование на определенные цели (достижение определенного цвета, величины плода, более скорый рост и т. д.). В таком смысле культивирование и «облагораживание» якобы идет у гениев за счет здоровой сопротивляемости организма и поэтому оно скорей приближает его к патологическому. Этот взгляд разделяют Reibmauer (1908) и позже Bleuler. Уточненное развитие и пониженная сопротивляемость организма (приближающая его к патологии) вследствие этого не есть простое смешение признаков отрицательных и положительных, а только 2 различные стороны одной и той же сущности, именно: результат высшей формы развития и культивирования человека (Züchtung).

Эту гипотезу об уточненности вида человека нельзя смешивать с теорией Мёбиуса (1902), ибо Мёбиус рассматривает талант, что сам по себе он есть причина, которая вызывает нарушения гармонии и равновесия организма—поэтому является на сцену патологическое. В редких случаях можно допустить возможность соотношения вышеупомянутых моментов и в таком смысле (быть может Модарт?).

Вообще, нужно быть очень осторожным проблему „гениальность и помешательство“ разрешать одним общим ответом. Одна теория не исключает обязательно другую. Действительность дает нам, в самом деле, в одном случае психо-

натию, сосуществующую рядом с высшей продуктивностью (мы видим, что у одного из братьев или сестер великого человека имеется психопатия, но без симптомов одаренности).

В других случаях мы видим, что оба эти явления находятся в причинной связи, и именно в таком смысле, что психопатия подымает одаренность на более высокую грань (если не всегда, то по крайней мере по отношению к некоторым, в определенных творческих приступах (напр., лирика Hölderlin'a)). Наконец, иногда можно говорить (правда, в очень редких случаях) и в смысле односторонне культивированной одаренности как при влиянии кровосмешательства (некоторые ученые).

Из всего этого мы видим, что все серьезные и вдумчивые исследователи нашей проблемы сходятся в едином понимании ее, а именно—что в большинстве случаев высшей продуктивности мы имеем в процессе творчества смешение психопатии и одаренности (безразлично какого рода смешения). Это также, например, вытекает из новейшей теории Сегалина (1925), который рассматривает гения как симбиоз 2-х скрещивающихся наследственных компонентов, а именно: компонента потенциальной одаренности и компонента психопатического, причем этот последний освобождает из подсознательной сферы компонент одаренности из состояния покоя.

Кажется, было бы последовательно после всего этого, весь интерес исследования проблемы направить главным образом, на дальнейшее изучение и углубление гениальных психопатов (здесь еще необходимо сделать очень и очень много!) Однако внимание психиатров удивительнейшим образом постоянно направляется на изучение продуктивности „помешанных“, т. е. продуктивности в состоянии настоящих психозов. Внимание их направляется отчасти к изучению великих людей, болеющих психозами; отчасти к изучению незнакомцев — психотиков, содержащихся в психиатрических заведениях. Выраженный психоз производит большее впечатление не только на простую массу людей, но и на ученого; он (психоз) действует fasciniрующим образом, окружен таинственностью и ужасом, а потому более заманчив для изучения.

Естественно, что этот материал, между прочим и преимуществами, дает исследователю более упрощенные и более контрастные соотношения и кажется поэтому легче и доступнее получить ответ на вопрос: что может дать творчество чисто психотическое? На такой базе возник ряд интереснейших и часть выдающихся работ, которые ставят себе задачей разрешение проблемы соотношения между произведенным и психологией продуцирующих это творчество (следовательно, здесь изучается не сама проблема о гениальности в тесном смысле этого слова, а одна из основ этой проблемы.

Еще Ломброзо (в 1880) и Binder (1893) предприняли такое подробное исследование психотиков в закрытых психиатриче-

ских заведениях. Их результаты поразительно сходятся с позднейшими авторами (литература у Prinzhorná (1922) и с результатами новейших авторов. Из новейших таких работ помнем здесь работы Hassman'a (1913), Morgenthaler (1921), Gaupp (1921-1926), Prinzhorn (1922), Pfeifer (1923), Weygandt (1924) и Tramer (1926). Мы можем здесь говорить о них лишь вкратце (подробно I.—с. S 260-276) и дадим здесь лишь основные выводы. Окончательные выводы даются (заметим здесь, между прочим) иногда не самими авторами и их критиками (что для непосвященных делается более очевидным). Из всех исследований вышеупомянутых авторов почти единогласно явствует, что само по себе психотическое состояние (т.-е. сами по себе психотические симптомы, описанные в учебниках) ничего не дает в смысле продуктивности. Зато появление психоза в одной и той же личности, где имеет ся налицо прирожденная одаренность, может влиять различным образом и этим косвенно повысить ценность творчества.

Но это позитивное свойство психопатии (т.-е. свойство повышать творческую ценность) никогда не увеличивается больше оттого, если вместо психопатии—сочетается с одаренностью психоз.

Таким образом, в заключение можно сказать, что проблема „гениальность и помешательство“ сконцентрировалась (при более строгой научной постановке вопроса) на проблеме „одаренность и психопатия“ (этим еще не сказано, что удастся получить единое и общее решение вопроса).

Переходя к дальнейшему изложению, я позволю себе здесь напомнить в двух словах, что автор уже в 1909 г. отметил социологическую и социал-психологическую сторону влияния всех тех явлений, которые известны под именем Psychische Abnormen, и то впечатление, которое производят эти явления на общество и на человека (см. литературный указатель в конце)

Там уже вкратце мы указывали те же самые различия чувства, переживаемые при влиянии des Eindrucks vollen, с которым мы ниже еще встретимся*).

Теперь перейдем к рассмотрению вопроса: что такое, в сущности говоря, „гений“? Если взять данные—историческое раз-

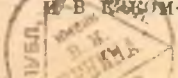
*) Если автору позволено будет изложить свои собственные соображения и выводы, которые он в своей вышеупомянутой работе излагал, то он может это сделать лишь в самой краткой форме. Читатель должен помнить, что здесь не излагается оригинал работы, а только выводы из таковой.

Точно так же дать какой-нибудь исчерпывающий реферат этой работы совершенно невозможно т. к. проблема „гениальность и помешательство“ гораздо более запутана, чем это до сих пор думали и притом, если бы дать подробные выдержки, то объем этих выдержек будет равняться оригиналу, поэтому мы здесь даем только голый остов этой работы, который, правда, вследствие этого может показаться безжизненным. Поэтому, подробное изложение в оригинале см. мою работу: Wilhelm Lange—Eichenbaum Genie-Irrsinn und Ruhm. Reinhardt München 1928 S. 498.

вание этого понятия, то этим понятием обозначается человек, которому приписывалась мистическая и непонятная „творческая сила“. На языке новейших понятий это означало: человек, наделенный высшими психическими способностями—следовательно, понятие, которое как-будто, можно было бы психобиологически как-нибудь определить. И именно определить приблизительно так, как определяются прирожденные музыкальные способности. Тем не менее, науке еще никогда не удавалось дать более точного определения этому понятию. Существующее определение этого понятия имеет такую расплывчатую форму: гений это есть „высшая“ продуктивная одаренность; или высшая форма „geniale“ Anlage. Все-таки остается туманным: что такое это „высшее“? Можно-ли „гения“ определять эпитетом „гениальный“? Тем не менее здесь мы должны отметить следующее.

Гений есть понятие, связанное с какой-то оценкой, связанное с понятием ценности (Wertbegriff). Кем, спрашивается, производится эта оценка? Громадным количеством почитателей, признающих эту ценность. Но какими мерками и каким масштабом? Повидимому, по масштабу данного коллектива. Что прежде всего при этом и оценивается, как главное? Прежде всего его труд, его произведение, его дары этому коллективу (пожалуй, в редких случаях, еще и личность как идеал или как групповой символ). Гений немислим без произведения. Произведение является более существенным, нежели сам создавший это произведение. Чем же, следовательно, определяется понятие оценки „высшая одаренность“? Суждением оценки данного коллектива людей относительно данного произведения, после того, как этот коллектив воспринял позитивное чувство ценности результатов этого произведения. Мы тут не имеем в личности гения нечто первичное—как естественно-научное явление как психо-биологический объект, раз навсегда появившийся, как таковой, как „высшая“ данность. Мы тут имеем позитивное суждение оценки некоторого большого коллектива людей, который проэцирует оценку по отношению к произведению наружу, и этим самым опять на творца данного произведения. Следовательно, не творящий создаст „гениальное произведение“, а произведение создает (глазами и мерками данного коллектива) творца, как гения. Коллектив людей создает себе гения, как такового, соответственно своим потребностям и своей оценке. Так например, в античное время масса людей ставила на высокий пьедестал мудреца, в то время как художник прообразительного искусства был просто безразличный ремесленник. 18-е столетие имело совершенно другие идеалы и т. д. (см 1-ю часть).

Гений, таким образом, есть человек дающий какие либо ценности обществу. Так как понятие о ценности есть понятие относительное (ценность может быть только для *кого-нибудь* и в *каком-либо* отношении), то гений, следовательно, есть так-

же понятие относительное, и этим самым упрадняется все то, догматическое, статическое и абсолютное, которое приписывалось в течение веков гению. Понятие гений переходит в современное динамическое понятие функций. Также в науке о гение (как это мы видим, произошло у большинства научных дисциплин) нужно превратить застывшее бытие в понятие *werden*, ибо действительность не имеет застывшие формы неизменчивых объектов, а составляет из структуры соотносительности. Гений есть поэтому функция человека, дающего ту или иную ценность, который, как существо более или менее мистически воображаемое, почитается обществом. Причем эти дары могут быть или произведение, или идеал личности, или групповой символ или же все вместе взятые, слившиеся в одно целое.

Вместе с перенесением понятия гения в плоскость понятия функциональности, отпадают сами собой все затруднения и осложнения, связанные с этой проблемой. Прежде всего, это дает нам возможность весь вопрос о гение отделить от вопроса об одаренности. Вопрос о гение есть вопрос социолого-религиозно-психологический. Никто не рождается «гением», а делается (чаще всего постепенно). Человек, создавший известные ценности, награждается данным обществом ореолом «творца» и он *делается (социологически)* гением.

Исходя из этого, нам делается ясным, почему понятие «гений» не поддается психологическому или биологическому (наследственно-биологическому) определению. Никогда никто не мог определить, какая форма одаренности специфична для «гения» и почему? А потому, что самые различные и многочисленные формы одаренности могут сделаться присущими «гению». С другой стороны, каждый такой человек, возводимый в гения, может быть при этом психо-биологически по различному создан.

Точно так же до сих пор не установлены какие-либо особые психические способности, которые бы были специфичны для «гения» или чтоб эта способность была «гениальной». Даже способность к продуктивному мышлению не является обязательным условием для изобретательства. Часто при изобретении продуктивное мышление отсутствует совершенно, а имеется только большой *Formt.lent* или талант подражания, талант передачи какой-либо интересной оригинальной детали и проч. Считать, что существует какая-то особенная специфическая чисто духовно-интеллектуальная «творческая» способность, было бы, с научной точки зрения, наивно. Наоборот, в процессы творчества входят самые различные компоненты: талант формирования, талант экспрессии, талант понимания выражаемого или чужих психических переживаний, формальная изобретательская способность, продуктивное мышление, вся совокупность эмоциональных реакций, реакции на окружающую среду (воспитания, школы, образова-

ния, опыт переживания) весь характер данного типа, вся материально-биологическая сущность творящего (в отношении связи тела с характером), словом: вся совокупность творящего человека, все входит в его произведение то в одном, то в другом сочетании отдельных компонентов всех его способностей. Каждый творящий, в конце концов, также иррационально отличается от другого, как любой индивидуум от другого. Гения, как абсолютно доказуемую форму одаренности, вообще не существует. Научно можно рассматривать только 2 явления: создающего человека и его продукт (его произведение) творчества. Одно относится к другому точно так же, как фрукты к данному дереву.

Чтоб выделить особенно высоко продуктивных и сильно одаренных личностей, которые призваны удовлетворить определенные потребности общества (в музыке, живописи, лирике, фильме и пр.) в определенную эпоху и для определенного вкуса времени, автор выдвигает для обозначения таких людей термин *Hochtalent* (I. c. S. 102, 110), который еще дополняется другим термином (в других случаях) *Intelligenztalent*. Так, напр. Гёте, до того времени, когда он еще не достиг мировой славы представляет собою «*Hochtalent*»; Наполеон или Шопенгауер были *Intelligenztalente* до их мировой славы. Этим автор не устранил понятия гения, а также не устранил понятие высокой одаренности. Оба понятия признаются им как понятия релятивности и делается попытка их более тонко дифференцировать. Гений (как понятие историческое, как суждения оценки человеческого общества) и «*Hochbegabung*» ни в коем случае не являются идентичными. Необходимо, по автору, предпринять научное разделение понятия «гений» и «*Hochtalent*», ибо не всегда «*Hochtalent*» делается гением. Затем многие произведения «творчества» вовсе «не создавались» и произошли по счастливой случайности, или по совокупности работы большого количества людей, из которых лишь один только выделен как знаменитость или же какой-нибудь последователь какой либо идеи (или учения) получает имя творца этой идеи (а не тот, который был действительно творцом данной идеи). Затем, далее, понятия эти должны быть дифференцированы еще потому, что известны случаи, когда весьма слабо одаренные люди делались исторически «гениями». В некоторых случаях даже недостаточное продуктивное мышление, даже неоспоримое заблуждение мышления давало «творчество» великих открытий и «орден» на звание „гения“ (например Колумб). В конце концов, важен продукт творчества для тех, которые являются ценителями произведения, а после и почитателями того, кому они дали звание гения. Преломляясь сквозь призму своих произведений, бывший реальный исторический человек теряет свою истинную физиономию и никогда не выглядит таким, как он был, а получает новый облик, измененный соответственно оценки его произведения обществом.

Подобно тому как восприятие света есть результат колебания эфира, восприятия глазом этого колебания, и психической переработки этого процесса точно так же гений, прежде, чем сделаться таковым, должен иметь славу, чтоб она светила для кого-то, для каких-то глаз, чтоб воспринять его психически как такового, а потом уже из этой совокупности влияния (славы воспринимающего и вызывающего ее) создается гений. Необходимо сначала иметь славу, чтоб сделаться гением. Слава есть условие для этого. А что такое слава? Это живое воспринимаемое коллективом чего-то такого, что производит особенное впечатление. Слава это пережитое впечатление, оставляющее в психике аффективно окрашенные следы.

В нашу задачу не входит дать здесь подробный социально-психологический анализ динамики при образовании того сложного и запутанного явления, которое называется «славой» (об этом см. I с. S. 135—212). Весь путь, который проделывается, неизвестный человек: от момента создания произведения до того момента, когда это произведение производит свое действие сначала на немногих, а затем на большое количество людей, на целый громадный коллектив, который уже не только поражается этим созданием творчества и дает признание, но также начинает высоко чтить творца произведения; затем, далее, процесс преобразования, которое проделывается данным коллективом с историческим лицом творца, доводя его славу до гения; наконец, судьба этих лиц, у которых кривая славы то поднимается, то опускается—все эти этапы здесь только будут намечены, чтоб показать насколько важно растворить статическое, онтологическое и биологическое понимание гения в процессе динамического образования аккорда—гения (Genie Akkord).

Под аккордом гения мы понимаем совокупность всех тех элементов, которые образуют понятие „гений“, ибо не произведение одно создает гения, также как и не одна только личность творящего, а только совокупность всех факторов, как-то: личность со всеми его свойствами, произведения творчества, жизненные обстоятельства данной личности, складывающиеся в данной среде, влияние его славы на массу данной среды, санкция этой славы той же массой и т. д. Все эти моменты, вместе взятые, все образующиеся при этом эмоциональные переживания, сливаясь в одно интенсивное чувство или смешанный аффект, создают то, что мы называем аккордом чувства, создают понятие аккорда—„гения“.

Этот аккорд гения не имеет пока никаких объективных симптомов его структуры, а состоит из субъективного аккорда чувства святости (воображаемого образа), переживаемые почитателем—коллективом людей, который проецирует этот свой субъективный аккорд чувств наружу и придает ему в некотором роде объективность (приблизительно так, как люди соз-

дают себе богов) т.-е. создают себе вымышленный образ. Сам по себе исторический человек, которого сделали таким образом святым, делается обычно совершенно безразличным для этой преклоняющейся массы, да, мало того, она его совершенно перестает замечать вследствие ослепления аффективными переживаниями. Она его даже не может и не хочет воспринимать так, как он в действительности и реально есть. Настолько реальный исторический человек делается непохожим на себя самого, т.-е. на сделанный из него образ, что при научном исследовании можно рассматривать и изучать в отдельности как 2 отдельных объекта исследования (т.-е. исторический человек будет один объект исследования, а „икона“ с него будет другой объект исследования).

Из каких эмоциональных элементов составляется это вновь образованное чувство почитания святости? Сделать геноетико-психологический анализ этого явления (см. I. с. S. 137—163) чрезвычайно важно и существенно. Каждый знает (или предполагается, что знает) выдающийся труд Rudolf Otto по этому вопросу: *Das Heilige das Irrationale in der Idee des Göttlichen*, Perthes, Stuttgart, 13 Aufl 1925) R. Otto в этой работе описывает следующие понятия *Vor-Göttliches Vor-Heilige, das Numinose* „святое“ без нравственного начала, без начала добра, без каких-либо рациональных моментов вообще. R. Otto говорит, что в этих понятиях он хочет подчеркнуть и показать предметность понятия „святости“, а не психологический, субъективный и психический акт: Субъективная сторона переживания описана им также чисто феноменологически, употребляя метод „*der Selbstbesinnung*“.

Vorgöttliche, Vorheilige das Numinose по R. Otto заключает в себе шесть „моментов“, т.-е. имеет шесть следующих свойств.

Das tremendum: свойство, которое возбуждает страх, трепет, ужас, демоническую боязнь, чувство жуткости.

Das Maiestas: Мощь, сила, которые вызывают чувство собственного бессилия и покорности.

Das „Energische“: „живость“, „стрельность“, воля, сила, движение, возбуждение, деятельность „*Drang*“— все это вызывает чувство, будто на вас что-то нападает и давит вас.

Das Mysterium: „что-то совершенно новое“, мистерия в узком смысле слова. „Таинственное“ в смысле чего-то нам чуждого, непонятного и необъяснимого, которое субъективно вызывает „удивление“ и чувство, поражающее нас (или вызывает чувство абсолютно — чуждого).

Das Fascinas: „ нечто своеобразным образом нас притягивающее, пленяющее, fasciniрующее“, все чудесное, ошеломляющее, захватывающее нас, восхищающее все, что вызывает субъективно чувство „блаженства“.

Das Sapientium: переживание глубокого уважения. Нечто, что вызывает глубочайшее признание, „чувство преклонения перед ценностями, имеющими высшую святость“.

Автор сей работы со своей стороны попробовал (I. c. S. 137—158) все эти 6 объективных свойств (в которых R. Otto усматривает объективные элементы в процессах обожествления) психологически и генетически проанализировать с их субъективной стороны. Оказалось, что все эти 6 элементов переживаний ничто иное, как повседневные элементы переживания, которые мы получаем от всего того, что производит на нас глубокое впечатление. Но только в более интенсивном виде и в количественно-больших размерах.

Так, например: *Majestas* в обыденной жизни есть ничто иное как все то, что нас превосходит в чем-нибудь и в каких угодно формах жизни. Субъективно мы при этом переживаем негативное чувство — подчинение, и одновременно позитивное чувство — потребность перескочить что-то высшее.

Das Energeticum образует в повседневной жизни все то, что нас захватывает, затягивает; все сильное, все, что имеет кинетическую энергию, овладевающее нашей волей. Оно вызывает в нас субъективное переживание: возбуждение, внутреннее волнение, чувство, что мы идем вместе со всеми, чувство повышения и оживления внутренней интенсивности, чувство, что нами двигают и руководят.

Das Fascinas мы называем — все нас заманивающее во всякой форме: все сильно-позитивное, все чудесное, приковывающее нас, захватывающее, обвораживающее и льстящее нам. Все заманивающее вызывает в нас субъективное чувство алчности, поощряет наше „я“, вызывает в нас чувство благополучия в широком смысле этого слова. Это переживание относится к категории сильно положительного чувства *gefühlswertqualität*.

Das Mirum в повседневной жизни вызывает в нас чувства особенно непонятного, чуждого нам. И именно: в форме непривычного, загадочного, вызывающее в нас удивление. Субъективно переживается эффект удивления, поражаемость, любопытство при этом интенсивно возбуждается и требует своего удовлетворения. Интеллектуально переживается: предугадывание, напряжение, живость фантазий, в одно и то же время интеллект как бы предчувствует и предвосхищает свою активность по отношению к этому загадочному. Все это осо-

бегное (das Besondere) надо отнести к категории аномального (des Abnormen) поскольку рисуется что-то чуждое нашему «я».

Das Tremendum есть все жуткое не в смысле всего страшного, вызывающего видимую опасность, которая вселяет страх и боязнь, а в смысле невидимой потенциальной опасности, которая вселяет ужас и скорей парализует нашу волю, нежели принуждает нас к бегству.

Das Sanctum входит в жизнь как элемент господствующего, санкционирующего. Не как господство власть имущего человека, а как *социологическая сила*. Это та сила массы людей, которая заставляет все санкционировать, признавать, оценивать положительно, наприм.: быть достойным славы, быть „святым“ в глазах этой массы. Субъективное отношение перед этой силой: респективность, благоговение, почтение.

Один и тот же объект, обладали многогранностью влияния, может влиять своими различными сторонами в одно и то же время также многогранно: и как заманчивое и как ужасающее и т. д. Комбинации различных граней влияний увеличивают силу впечатления на одного и того же субъекта, и еще больше, когда эти грани влияния сливаются в одно целое. Тогда образуются субъективные аккорды чувств у воспринимающего субъекта, в основе которых лежат интенсивно-переживаемые смешанные чувства.

Смешанные чувства мы переживаем, когда различные чувства переживаются *одновременно* (по отношению к одному и тому же объекту), когда эти различные чувства достигли своего максимального слияния и смешения.

Das Numinos—есть субъективно нечто иное, как мощное, весьма интенсивное и смешанное чувство. вернее смешанный аффект. В обыденной жизни мы легко можем констатировать (l. c. S. 282—304) многочисленные переходы des Numinosen (das Vornuminose); и на этот раз не субъективно, а в отношении к действительным, объективно констатируемым объектам. Всегда однако остается das Vornuminose как переживание чувства оценки и поэтому есть понятие относительное. Все зависит от тех обстоятельств, кто или что на кого действует numinos или Vornuminos. Vornuminos. могут действовать: гроза, море во время бури, высокие горы, звездное небо, могила любимого человека, родина, угроза (опасностью) отечеству, все идеалы, предки, все герои, любой вид «полубогов» и, наконец, также человек, если он гений.

Переживание наше, связанное с именем гения — есть numinos'ное (Vornuminos'ное) переживание. Отдельные тона аккорда чувств (Mirum, tremendum и т. д.) мы всегда можем без всякой трудности констатировать при полнозвучащем аккорде гения, ибо сильно производящее впечатление есть в одно и то же время то, что образует славу. Полный такой аккорд не образуется сразу, а постепенно из отдельных элементов (из отдельных тонов), сливающихся в одно целое (а именно: при

впечатления от его произведения, от влияния личности, его жизни и проч.).

В этом отношении, т.-е. в отношении субъективного переживания этого процесса, мы имеем сходство и даже полную параллель между религиозными героями святых (напр. Жанна д'Арк, христос) и гением.

Возьмем мы для примера какого-нибудь большого художника и мыслителя, который почитается как гений. Аккорд его составляется приблизительно из следующих элементов:

Maiestas: прирожденный великий *Hochtalent* или *Intelligenz-talent* производит впечатление абсолютно превосходящей силы.

Fascinas: В большинстве случаев произведение творчества влияет как фактор заманчивого, подкупающего, обволаживающего момента; эстетическо—сенсорное влияние (красок, тонов, языка и т. д.) или влияние идеальной нарисованного образа какой-либо идеальной личности (возвеличение своего „я“, например, при идентификации себя с Фаустом). Точно так же *личность* гения с его героизированными качествами может произвести влияние как *Fascinas* идеализированной личности (например, Наполеон, Гёте, Бисмарк).

Energicum: сознательно или бессознательно выраженная аффективность, в особенности, когда она сопровождается проявлением глубокой страсти к чему-нибудь или проявление верности какой-либо идеи до самопожертвования.

Mirum. Все новое, невиданное (открытие Америки, сексуально-историческое направление в искусстве и т. д.), все таинственное (Фауст), героическое (Гельдерлин *Nachtgesange*) также непонятное в личности или в произведении (Иисус, Жанна д'Арк, Микель-Анжело) или необычайно сложившаяся жизнь (Александр Македонский, Гете, Наполеон), необычайно счастливо сложившаяся карьера и проч. Точно так же как чудо, как *Mirum* влияют сложные, трудно постигаемые произведения искусства; наконец сам процесс творчества может повлиять как чудо, как *Mirum*.

Tremendum. Страшное или жуткое в произведениях: (атмосфера колдовства в «Фаусте» содержание в новеллах Поэ, Гофмана или в Царе Эдипе), тоже самое в личности (Микель-Анжело, Наполеон, — которые представлялись при жизни как „демонические“ натуры). Также жуткое или страшное содержание жизни данного великого человека которое можно было бы свести к формуле: „страдание как награда за творчество“ (поношение личности, ссылка на остров св. Елены, казнь всякого рода: сожжение, распятие и т. д.).

Sanctum. Общее признание большим коллективом людей, как высшая святость, как гения; такое господствующее мнение, делается неприкосновенным, создает имя классика. Каким образом такой *Sanctum* постепенно создается: освещается при анализе вопроса о динамике образования славы (l. c. S. 173-42).

Приведем еще 2 примера для дальнейшего пояснения. Прежде всего как пример почитания святого возьмем Жанну д'Арк (1 с. S. 373), которая была возведена как гений и которая почитается как „мессия“ Франции.

Fascinas: Освобождение Франции от англичан; к этому случаю еще известно влияние таинственности.

Mirum: представление о том, что она ниспослана богом. Ее видения святых, слышала их голоса.

Дальнейший пример влияния как **Mirum**;

Противоречие между воинственным духом Жанны д'Арк и ее женственностью, с одной стороны, и между женственностью, и ее мужским костюмом и мужской прической, с другой стороны, Жанна д'Арк была с самого начала загадкой и остается той же загадкой. На многие столетия, продолжая быть неразрешенной задачей и яблоком раздора в споре различных мнений и таким образом, остается как длительный **Mirum**.

Energicum: Ее живучая энергия, равным образом, ее самостоятельность, верность своим убеждениям и верность себе до смертного конца на костре,—все это влияет как **energeticum** захватывающим образом.

Tremendum заключается в акте сожжения ее на костре, в ее судьбе по формуле: „страдание как награда“.

Sanctusm: общее почитание и бессмертная слава, которая приписывается Жанне д'Арк как святой или как гению: каждый май месяц Франция устраивает ей национальный праздник.

Majestas: невинность и чистота ее помыслов. А дальше? Мы можем установить у Жанны д'Арк (как и у многих других), что в отношении интеллектуального превосходства настоящего *Hoch* или *Intelligenz*talent, она не нуждалась для своего аккорда гения. Духовное превосходство в таких случаях вообще может отсутствовать.

Majestas прозирается на творца произведения только через и посредством влияния результата творчества. Так приписывание ей большого стратегического таланта военного предвидителя—есть очевидная ошибка, доказанная всеми серьезными исследователями.

Также у Наполеона легко проанализировать элементы, составляющие аккорд гения (1 с. S 416). Его военнополитический талант, его работоспособность и превосходство создали ему: *Majestas* и *Fascinas*, в особенности военные победы, давшие вместе с этим славу Франции Его железная воля и размах на мировую славу большого стиля—дают захватывающий **energeticum**.

Элементы **Tremendum** в его личности составляли: его необычайная вспыльчивость его жажда и страсть к власти, которые наводили на врагов ужас, вследствие чего он прослыл „демоном“ Европы. После смерти остров св. Елены составлял жуткую страницу его биографии. Исторический блеск всей его жизни сославляет вечный **Mirum** на удивление окружающим.

При жизни двойственный и нерасчетливый характер Наполеона составляли сильно действующий *Mirum—tremendum*, что много способствовало его успехам. Его бесформенный и огероизированный образ еще и теперь остается в глазах его почитателей, как идеал личности и этот идеал в свою очередь влияет как *Fascinas*; так сливаются отдельные тона аккорда.

Автор принужден был при изложении этих данных дольше на них останавливаться, потому что такое освещение вопроса еще до сих пор не было, и кроме того, необходимо было чтоб этот вопрос был изложен более или менее понятно.

Читателю уже теперь не будет трудно все это использовать по отношению к психопатологическому (I. с. S. 213-436).

Все резко выраженное неблагоприятно—анормальное, точно также все резко выраженное патологическое: все психопатологические психозы и ненормальные характеры—все мы объединяем в одно понятие как *бионегативное* (в психобиологическом смысле).

В истории человеческой культуры мы можем констатировать необычайно сильное влияние бионегативного. Мы не можем себе представить, чтоб творческая личность исключительно составлялась из одной творческой одаренности („насквозь гений“). Точно также редко, чтоб это была личность исключительно психотическая. Само по себе бионегативное дает в творчестве очень мало или совсем ничего не дает и остается негативным понятием. Психотическое само по себе может создавать многие иллюзорные ценности (галлюцинация и бредовые идеи как «откровения»). Но бионегативное *выделяется гораздо резче* нежели здоровье.

В соединении с одаренностью оно создает более сильные и „лучшие“ произведения, нежели спокойный и здоровый Nochtalent сам по себе. В других отношениях такая личность производит *более сильное* впечатление на окружающих, нежели здоровая личность: она делается *скорее знаменитой*, она доставляет скорей те отдельные элементы, производящие сильное впечатление и добавляющие к созданию славы (самоубийство, психоз, преследование обществом и проч.). (Но в состоянии гораздо скорей дать те отдельные наиболее сильные элементы *Naminos'ного* аккорда, которые составляют мистическое ядро данного переживания, а именно: *Mirum—tremendum*, (что психологически трудно понять). В дальнейшем такая личность дольше остается в памяти людей, остается дольше знаменитой, приобретает более длительную славу. Короче говоря, бионегативный делается скорее гением, чем здоровый.

В отдельных вопросах положение вещей находится еще крайне запутанным. Проблема „гений и помешательство“ не может быть никогда одним каким нибудь способом разрешена.

Из множества источников вливается бионегативное в аккорд гения. Оно (бионегативное) проявляется как двигатель в про-

цессах творчества, оно проявляет себя в произведениях, оно действует на впечатление окружающих, оно входит в Numinosный аккорд, оно также способствует более длительной славе, словом, везде „помешательство“ одерживает победу над здоровым талантом.

„Гений“ сам по себе не имеет „помешательства“, но помешательство скорее способствует сделаться гением, нежели здоровье. Надо ли удивляться, если везде у признанных гениев находят „патологические“ черты? Гений не обязательно должен быть бионегативным; имеются здоровые таланты, которые в своей колоссальной величине den Schrittmacher „Irrsinn“ nicht brauchen. Но чем субъективнее поле деятельности тем скорее загадочное бионегативно проникает насквозь: в поэзии, музыке и религии (I. c. S. 334—335).

Если бы мы захотели дать новый Schlagwort для нашей проблемы (если предположить идею возможности здорового Form talent), то можно было бы дать такую формулу: „Irrsinn“ Ruhm Genie.

Гений есть социологическое, религиозно-психологическое понятие оценки (Wertbegriff). Это не исключает ни в коем случае проблему творчески продуктивных людей, т. наз. гениально одаренных рассматривать как проблему одаренности в отдельности. Для определенных целей творчества, одаренность, смешанная с психопатией дает лучшие результаты, совершенно здоровый в большинстве случаев, здесь не в состоянии конкурировать.

Из всего сказанного вытекают следующие проблемы:

1. Не существуют ли такие конституционально—смешанные типы—где компонентом возбуждения одаренности служит психопатия, а некоторый фактор вызывающий фермент бесподойства в крови как некоторый «патоидный раздражитель» („Pathoider Reiz“) или что-либо похожее проводящее наружу одаренность.

2. Может быть у отдельных (именно у отдельных) гениальных людей высшая продуктивность есть результат сверх дифференцированности человеческого мозга (в смысле палеонтологии)? Эти 2 проблемы, как точно также проблема культивирования и размножения, гениев—будет занимать человечество еще много столетий (I. c. S. 336—348).

Литературный указатель.

I. К общей проблеме.

Следующий литературный указатель дает (попытка эта делается впервые) выборку работ тех авторов, которые, по мнению автора этого труда, не могут быть обойдены как весьма существенные при изучении общих вопросов проблемы «Гени-

альность и Помешательство». Некоторые из них, по своим основным воззрениям, уже устарели и опровержены, но заключают в себе много материала, или весьма важные части фундамента, на котором базировалось историческое развитие проблемы. Кроме того, они дают указания на дальнейшую литературу.

Reweillé—Paris, I. H.,—Considerations médico—philosophiques sur ce mot, „Que la plupart des hommes célèbres sont atteints de mélancolie“. Memoires de l'Académie royale de médecine. 3, 271. Paris 1803. Moreau (de Tours), I. La psychologie morbide dans ses rapports avec la philosophie de l'histoire ou de l'influence des névropathies sur le dynamisme intellectuel. Masson, Paris 1859.—Lombroso C, Genio e Follia 1844. 4 Aufl 1882 Deutsch von Courth, Genie und Irrsinn. R. clams Universitätsbibliothek 1887; unv-rändert 19 0.—Radestock P., Genie und Wahnsinn. Trewendt, Breslau 1884.—Morselli und Andere in: Bianchi, A. G., La patologia del genio e gli scienziati italiani Inchiesta a proposito del caso di Guy de Maupassant, Kantorowicz, Mailand 1892.—Nordau, M., Entartung Duncker, Berlin 1892.—Binder, O., Das 1. und 2. Kapitel aus Lombrosos Buch: «Der geniale Mensch». Med. Korrespondenzbl. d. württ. ärztl. Landesvereins Stuttgart 1892.—Binder O., Das letzte Kapitel des Lombrososchen Buches: «Der geniale Mensch» nebst den Ergebnissen eigener Untersuchungen. M. d. Korrespondenzbl. des württ. ärztl. Landesvereins 44 41, 49, 65, 83, 91, 97 Stuttgart 1892.—Hirsch, William. Genie und Entartung Koblenz, Berlin—Leipzig 189.—Arnold, R., Artung und Entartung Biologische Studien. Bd. 2 Abel, Greifswald 1895.—Cabanès, A., Le cabinet secret de l'histoire, entr'ouvert par un médecin. Charles, Paris, 4 Bde. 1895—1900.—Toulouse E. Enquête médico—psychologique sur les rapports de la supériorité intellectuelle avec la névropathie. Ann. médico—psychologiques 3, 3 4 4 5; 6, 119. Paris 897.—Regnard, A. Génie et folie; refutation d'un paradoxe. Ann. médico—psychologiques 56/57, 7, 10, 177—353; 8, 5, 104; 9, 22—379. Paris 1898/99.—Forel, A. Über Talent und Genie Zeitschr. f. Hypnotismus 10, 159 Leipzig 1900. Forel A. Ein wichtiges Verhältnis des Genies zur Geistesstörung. Zeitschr. f. Hypnotismus 10, 6 Leipzig 1900.—Grasset I. La supériorité intellectuelle et la névrose. Montpellier 1900. Auch in: Leçons de clinique médicale, 4e série, S. 633 1903.—Möbius P. I. Über das Studium der Talente. Stachyologie S. 103. Barth Leipzig 1901.—Lombroso, C. Sull'origine naturale del genio. Sandron P. Iermo 1902. Deutsch von Jentsch: Über die Entstehungsweise und Eigenart des Genies Schmidts Jahrbücher der gesamten Medizin 254 125—255 190; 197: 10 12 1908.—Möbius P. J. Ausgewählte Werke Barth Leipzig 1903.—Loewenfeld, L., Über die geniale geistestätigkeit mit besonderer Berücksichtigung des Genies für bildende Kunst. Bergmann, Wiesbaden 1903. Grenzfragen H. 21.—Grasset, J. Dimifous et demiresponses bls Alcan, Paris 1902.—Cabanés A. Les indiscretions de l'histoire. Paris 1902. 6 Bde. Antheaume, A., et G. Dromard P. esie et Folie: Doin, Paris 1908.—Reibmayer, A. Die Entwicklungsgeschichte des Talentos und Genies: Lehmann, München 1908.—Lange, W. Wert und Wirkung den Psychisch—Abnormen; in: Hölderlin, Eine Pathographie. Kap. VI. S. 100—12 Enke Stuttgart 1909. Dazu Hippach, Der Tag 27. Mai 1909.—Aschaffenburg, G. Die Konstitutionelle Neurassthenie S. 782 In: H. Curschmann, Lehrbuch d. Nervenkrankh. Springer, Berlin 1909.—Sadger, J. Stellung und Entartung Ein Beitrag zur Lehre vom kranken Genie. Demme, Leipzig 1900.—Leuler, J., Lehrbuch der Psychiatrie S. 127 190, 65—166 S. Springer, Berlin 1920.—Birnbaum K., Psychopathologische Dokumente. Springer Berlin 1900.—Birnbaum K., Grundzüge der Kulturpsychologie. Bergmann München 1909. Grenzfragen, H. 16.—Segalin G. W. Klinisches Archiv für Genialität und Begabung. Europathologie (Russisch) H. 1/4, 19 5 Ref.: Arch. f. Rassen- u. Gesellschaftsbild. 19, 102. 19 7

II. К вопросу о связи между патологически продуктивной личностью с ее произведением (а также с окружающей средой).

Здесь дается выборка наиболее значительных трудов, выводы которых имели основное значение (в вопросе, указ. в этом заголовке). Список этот далеко не полный (ср., напр., литер. указатель у К. Jaspers, *Allgemeine Psychopathologie* (Springer, Berlin Aufl. 1923), и у Н. W. Grunle, *Psychologie des Abnormen* (Reinhardt, München 1922).

Lombroso, C., *Sull'arte nei pazzi*. Archivio di psichiatria, 1. 1880.— Binder, O., *Die Dichtkunst bei Geisteskranken in ihren Beziehungen zu der Frage «Genie und Irrsinn»*. Med. Korrespondenzbe. d. württ. ärztl. Landesvereins 43, 217, 225, 233, 241, 249. Stuttgart 1893.— Weygandt, W., *Beitrag zur Lehre von den psychischen Epidemien*. Marhold, Halle 1905.— Hassmann, O., und H. Zingerle, *Untersuchungen bildlicher Darstellungen und sprachlicher Ausserungen bei Dementia praecox*. Journ. f. Psychol. u. Neurol. 20. 1913.— Kretschmer, E., *Die Genialen*; in: *Körperbau und Charakter*, Kap. 13. Springer, Berlin 1921. 5. Aufl. 1926.— Gaupp, R., *Die dramatische Dichtung eines Paranoikers über den «Wahn»*. Zeitschr. f. d. ges. Neurol. u. Psychiatrie 69. 1921.— Morgenthaler, W., *Ein geisteskranker als Künstler*. Bircher, Bern 1921.— Prinzhorn, H., *Bildnerie der Geisteskranken*. Springer, Berlin 1922.— Pfeifer, R. A., *Der Geisteskranke und sein Werk*. Kröner, Leipzig 1923.— Weygandt, W., *Zur Frage der pathologischen Kunst*. Zeitschr. f. d. ges. Neurol. u. Psychiatrie 91. 1924.— Gaupp, R., *vom dichterischen Schaffen eines Geisteskranken*. Jahrb. d. Charakterologie. Hrsg. Utitz. Bd. 2/3. 1926.— Tramer, M., *Technisches Schaffen Geisteskranker*. Oldenbourg, München 1926.

К вопросу о патогенезе личности И. С. Тургенева.

Мать И. С. Тургенева.

Д-ра Г. И. Плессо.

В этой работе нас интересует, главным образом, *status psychicus* матери Тургенева—Варвары Петровны (урожд. Лутовинова). Интересует она нас, во-первых, потому, что на страницах давнего «Архива» в работе Сегалина «О патогенезе и биогенезе великих и замечательных людей *), Тургенев приводится как один из примеров, где патогенез его личности иллюстрируется на данных материнской линии, причем Сегалин приходит к заключению относительно матери Тургенева, что она была „во всяком случае психопатической натурой“ (если не душевно-больной).

Проверить это положение Сегалина, на более подробном материале, и есть та цель, которая побудила нас заняться освещением личности матери с психопатологической точки зрения.

С другой стороны, нас интересует еще и другой вопрос. Если мать действительно была особа психопатическая (или душевно-больная), то какой же характер этой психопатии?

Осветить этот вопрос является чрезвычайно важным для выяснения характера наследственности Тургенева, т.-е. выяснения тех конституциональных особенностей, которые он мог унаследовать от матери (и вообще со стороны материнской линии).

Тем более это важно, что на страницах этого „Архива“, различными авторами отмечались различные невротические и психопатические симптомы в личности Тургенева (Вольфсон—психотический приступ в конце жизни; Руднев—возможность галлюцинаторных переживаний; Плессо—депрессия и комплекс нарцизма*). Не зная наследственной конституции Тургенева, все эти симптомы остаются висеть в воздухе, т.-е. просто непонятно психопатологу на какой конституциональной базе они зиждятся.

Насколько материалы нам позволяют, мы попытаемся эти вопросы осветить, не претендуя дать ответ полностью.

Прежде чем дать освещение личности матери Тургенева — Варвары Петровны, посмотрим какую наследственность она получила от своего рода Лутовиновых.

*) «Клин. арх. геннальн. и одаренн.» вып. 1-й т. I.

Бросается резко в глаза у всех известных нам представителей Лутовиновского рода, одна характерная черта личности— жестокость. Эта доминирующая в характерах Лутовиновых черта как бы является семейной особенностью, которая передается из поколения в поколение.

К сожалению, мы не имеем никаких указаний об отце Варвары Петровны, а также очень мало о матери, но и эта последняя, повидимому, тоже не отличалась нормальным душевным складом. По крайней мере об этом свидетельствуют слова самой В. П., которая говорит, что быть сиротой без родной матери—тяжело, но быть сиротой при родной матери вдвое тяжело, при этом в последнем случае она имеет в виду себя, т.-к. мать ее не любила и почти не считала своей дочерью, что главным образом и заставило ее бежать от родной матери на жительство к дяде, а этот последний был необычайно жестоким человеком.

„Иван Иванович ее принял, и начались новые мучения“.

„Скупой самодур крепостник держал ее почти взаперти, подавлял ее волю, обезличивал и наконец хотел прогнать ее и лишиться наследства, но внезапно умер“ (Иванов Ив.) А немного дальше он же говорит — „жестокие крутые характеры в роде дедушки рассказчика (Старые Портреты) и Одноворлец Овсянников—списаны с Лутовиновых“.

„Деспотизмом, жестокостью и кровью веяло от семейных преданий Лутовиновского старого барского дома. Крепостных здесь безнаказанно засекали и ссылали в Сибирь“ (Ив. Иванов).

Другой представитель Лутовиновского рода, о котором рассказывает архитектор Бакарев, живший в то время, — Алексей Иванович Лутовинов—отличался также необыкновенной жестокостью. Он был холостой, у него жила сестра. Однажды он узнал, что к сестре ездит сосед.

В одну ночь поймал он у ней соседа, велел тащить на царный двор, где беспрерывно варилась всякая падаль для собак; туда хотел он бросить его, но на зов сбежались люди попавшего в беду соседа и спасли его, иначе ему грозила жестокая расплата.

Другой случай, о котором рассказывает Бакарев, еще более красноречиво свидетельствует о зверской жестокости этого А. И. Лутовинова (или другого представителя Лутовиновых).

Герой этот имел длительную тяжбу с однодворцами, по поводу земли; долго продолжалась тяжба. Однажды, придя в суд, Лутовинов спросил—долго ли будет продолжаться тяжба. Ему сказали — неужели он сам не может справиться с негодыями. Этого было достаточно. Возвратившись, он собрал своих мужиков с дубьем и устроил засады, сообщив противникам, чтобы они немедленно прекратили пахать землю, как принадлежащую ему, а не им. Произошла сначала брань, а потом драка и наконец настоящее побоище.

Лутовинов выехал со своей охотой, напоенной до-пьяна; с ружьями и пистолетами. Дело дошло до того, что на месте драки было убито не менее 15 человек.

После этого Лутовинов собрал мертвых и повез в уездный город. По дороге он зажег с обоих концов селение противника и кричал: — „Я—бог ваш!“ — Убитых он доставил судьям, заявив, что вот я управился. (Из ненапечатанных записок архитектора В. А. Бакарева).

И. Иванов указывает на бабу Тургенева. Он говорит: „Один из иностранцев передаст рассказ Ивана Сергеевича об его бабушке. Старая вспыльчивая барыня, пораженная параличем и почти неподвижно сидевшая в кресле, рассердилась однажды на казачка, который ей прислуживал, за какой-то недосмотр. В порыве гнева, схватила полено и ударила мальчика по голове так сильно, что он упал без чувств. Это зрелище произвело на нее неприятное впечатление. Она магнулась, подняла его на свое широкое кресло, положила ему большую подушку на окровавленную голову и, севши на нее, задушила несчастного“ (И. Иванов—И. С. Тургенев“).

Но о какой, в данном случае, бабушке идет речь, установить нам не удалось.

Таковы предки Лутовиновского рода, такова их жизнь, отмеченная кровавыми расправами, стоном тысяч подвластных рабов, среди которых создалась и жила почти сто лет легенда, суеверие о том, что барин по ночам ходит по плотине бывшего пруда и что-то ищет. Крестьяне уверяют, что многие его видели действительно. Забитая, окончательно подавленная психика раба, создала легенду, как компромиссное образование между робким желанием смерти тирану и энергичным отстранением этого желания, вследствие соответствующего рабского уклада психики.

Но крепко жила эта легенда среди крестьян; она пережила весь лутовиновский род на много лет, что служит прекрасным психологическим доказательством феноменальной жестокости Лутовиновых, т. е. даже рассказы о ней, передаваемые из поколения в поколение, действовали так сильно, что вызывали мистический ужас, который и поддерживал существование легенды.

Несомненно, мы здесь в лице Варвары Петровны также имеем дело с патологической личностью. Вот поэтому мы считаем себя в праве поведение В. П. рассматривать как проблему, которую надлежит решить психопатологу.

Но могут спросить—почему психопатологу? Почему не просто психологу? Но в том-то и дело, что поведение Варвары Петровны далеко выходит за пределы нормального поведения.

В самом деле, даже ничего общего с психопатологией не имеющий И. Ф. Рында в своей книжке говорит прямо: «Не хочется как-то допустить, чтобы в руках этой, потрясенной,

душевно больной женщины, находилась судьба тысяч людей).

Спрашивается, что же заставило не психиатра сделать такое смелое заключение? Прав ли он? Несомненно, что формально он не прав: тут нет формальной душевной болезни; но по существу прав, потому, что психопатические черты В. П. палицо.

Нам известны ее поступки, которые едва ли можно считать поступками здоровой психики.

Так, например, у Е. Соловьева мы читаем: «Многочисленную дворовую челядь она разбила на чины и классы, как при дворе; дворецкий назывался министром двора и фамилию ему придали такую, какую носил тогдашний шеф жандармов — Бенкендорф; мальчик, заведывавший получением и отправкой писем, именовался министром почт — этикет соблюдался строгий». — Или — во время холерной эпидемии, она делала обход своих владений, устроив стеклянный ящик, садилась туда, и крепостные ее носили. Крестьянин, который принял ее за богоматерь и положил „консечку“, жестоко поплатился за неосмотрительность.

А вот еще рассказ Житовой, приемной дочери В. П.

«Священник поставил дары на приготовленный для них стол и обратился к В. П.:

К исповеди приступим сударыня?

— Исповедуйте, батюшка! — и она перекрестилась.

— Выйдите все! — обратился священник к народу.

— Не надо! — твердо сказала В. П. Вышло смятение; иные направились уже к дверям, другие колебались.

— Остаться! Всем остаться! — крикнула В. П., обернувшись вся лицом к предстоящим.

— По уставу церковному, исповедь должна быть один-на-один с отцом духовным, — мягко протестовал священник.

— А я хочу при всех исповедоваться...

— Но ведь нельзя, — несколько убедительнее произнес духовник.

— А я говорю можно! — еще громче сказала В. П. и из рук священника взяла книгу.

Юный отец Алексей оробел и замолчал... и уступил. Тогда В. П. Громко отчетливо прочла молитву на сон грядущий... И, окончив, стала лицом к народу: „простите мне“.

Сказала она и сделала по поклону на три стороны. — „Теперь причастите меня, батюшка“!

Житова же рассказывает случай, когда В. П. пришло в голову пасху превратить в обыкновенный день. Она дала распоряжение прекратить звон и службу в церкви, а также дома убрать все пасхальное.

Даже умирала она совершенно необыкновенно. «Да хранит нас господь от такой смерти!»

Тургенев пишет Влардо—„она старалась только оглушить себя; накануне смерти, когда уже началось храпение агонии, в соседней комнате, по ее распоряжению оркестр играл польки“ (Гревс — История одной любви).

Мы могли бы увеличить список этих, так сказать, чудачеств, но это будет лишним. Несомненно одно, что у ней был целый ряд странностей, явно патологических.

Но наряду с этими патологическими странностями, в интеллектуальном отношении она была женщиной умной и, по мнению биографов, даже одаренной.

«Варвара Петровна — говорит Иванов — прекрасно владела русской речью и мастерски писала свои письма; она любит меткое крылатое словечко и умеет катать его обронить“.

Вот, например, образец ее письма: „Потому читаю много, знаю латинскую поговорку или поговорку—*quo plura te legimus eo plura discimus*—Ага, каково? Не прогневайся: вот тебе латынь за латынь...“

Посмейся со своими товарищами, пускай они угадают кто тебе латинские поговорки пишет

Не угадают, сам скажи. Почему-ж? Старый учитель, ученый муж! Да... как бы не так, старуха мамаша. Ха-ха-ха! И простая старуха, не *bel esprit*, почти безграмотная. По любви к сыну латынит. (Из писем к И. С. 1838 г. 25/XI Тургеневский сборник Тургеневск. кружка).

Она излагала свои мысли увлекательно и остроумно. Письма ее останавливают внимание своим слогом, легко передающим ее настроение—то страстно тоскующей в разлуке с сыном матери, то разгневанной до готовности порвать отношения, снова сменяющей тон на товарищески шутливый... (Там же).

И. Ф. Рында, в своих воспоминаниях, прямо говорит, что „Варвара Петровна бесспорно женщина очень способная“.

И вот мы видим два суждения, две противоположных стороны психики В. П.; с одной стороны она душевно-больная (Рында), с другой— очень способная (оп же) можно ли сочетать эти противоположности в одном целом? Можно, если оставить в стороне формальную душевную болезнь.

Патология психики может хорошо уживаться с повышенной интеллектуальной продуктивностью.

Та форма психопатии, которая есть у В. П., как раз очень часто сочетается с большой продуктивностью и во всяком случае никогда не ведет к слабоумию. Но оставим рассуждения, которые нам в данном случае не необходимы, и вернемся к фактам.

В начале мы указали на то, что род Лутовиновых отличался необыкновенной, т. е. патологической жестокостью.

Несколько приведенных примеров об этом свидетельствуют. Но и В. П. из этого ряда не исключение, а достойное гармоническое продолжение лутовидовского рода. Эта достойная наследница получила от Ивана Ивановича не только деньги—плод невероятной скупости, но и жестокость его. Жестокость, мстительность, тирания для В. П. были рычагом,двигающим ее организм на жизненной стезе. Жестокость настолько тесно спаяна с личностью, что вне этой черты невозможно представить В. П. Даже ее физический образ встает перед нами, облученный в эту тогу злобы, беспричинной, беспредельной.

Эта жестокая властная женщина, говорит Е. Соловьев, многими чертами напоминала знаменитую Салтыкову. Некрасивая собою, небольшого роста, немного сутуловатая, она имела длинный и вместе с тем широкий нос, с глубокими порами в коже, отчего он казался как бы изрытым оспой. Глаза у ней были черные, злые, волосы черные, как смоль, осанку она имела гордую, надменную, величавую, тяжелую; характер мстительный, властный жестокий... Все трепетало от ее взгляда, все преклонялось перед ее упрямой непреклонной волей. Сколько людей подвергла она истязаниям, сколько сослала в Сибирь, отдала в солдаты, сосчитать это трудно, но сцены разнузданного барского произвола разыгрывались в Спасском ежедневно*.

А другой биограф, И. Иванов, ее характеризует так: „она, прежде всего, воспользуется той стороной жизни, которая более всего причинила ей обид и огорчений—властью. Варвара Петровна будет не просто повелевать и властвовать—нет, это будет настоящая оргия самовласти, упоение своей силой, какое-то самозабвение среди трепета и ужаса подвластных“. А „громадный, старинный Тургеневский дом, в сорок комнат, представлял из себя гнездо всевозможных нравственных пыток и физических мучений. Мы не станем пересказывать всех, часто весьма *хитрых* и *тонких* способов мучительства, какие изобретались госпожой*.

После такой характеристики естественно является вопрос—неужели эти *тонкие* и *хитрые* способы мучительства могла изобретать госпожа, психически нормальная? Или лучше сказать—неужели изобретательство *тонких* и *хитрых* *способов мучительства* является нормальным занятием? Конечно, нет!

С этой точки зрения мы можем сказать, что, конечно, В. П. была женщиной не просто злой—нет, это была женщина, необычайно жестокая.

В самом деле, жестокость В. П. не кратковременная реакция, соответствующая ситуации, а составная часть ее сущности своего рода биологическая потребность, подобно потребности питания.

Варвара Петровна не потому проявляет свою жестокость, что это вызывается соотношением хода событий внешнего мира,

а потому, чтобы разрядить внутреннее напряжение, удовлетворить, так сказать, свою страсть. Об этом свидетельствует вот что; она пишет в письме к сыну:

„Но ту почту, которую вы оба пропустите, я непременно Николашку высеку, жаль мне этого, а он прехорошенький и премиленький мальчик, и я им занимаюсь, он здоров и хорошо учится. Что делать, бедный мальчик будет терпеть.“ (Тургеневский кружок — „Тургеневский сборник“).

В данном случае, как читатель видит, она совершенно без причины собирается высесть мальчика, которого сама же называет прехорошеньким и премиленьким. Не виноват же в самом деле мальчик в том, что он не привез с почтой те написанные письма сыновьями. Но для В. П. это и не важно, ведь нужен же ей объект для проявления накопившейся внутренней энергии, как выражаются в просторечии—нужно же сорвать на ком-нибудь злобу.

Время от времени в ней накапливалось чувство озлобленности, и если не было подходящего объекта для этой цели, то она прямо его искала. Об этом красноречиво рассказывает ее приемная дочь Житова.

Она говорит, что в доме, среди прислуги, существовал термин, по которому вспоминали всякого рода события. Так, например, если нужно было что-либо вспомнить, то дзоровые говорили—это было тогда, когда барыня придиралась к тому-то. Приводим подлинный рассказ Житовой об одной из таких придинок.

Дворецкий Тоболев, пользуясь расположением и симпатией барыни, стал смелее и иногда пробовал разговаривать менее рабственно. Заметив это, В. П. стала „придираться“ к нему.

„Когда В. П. произносила слово „воды“, которое у нас равнялось известному—„a boire au toi“—дворецкий должен был налить ей воды из этого графина (барынин графин).

Составив себе план атаки против Семена, В. П. всякий раз как только подносила стакан к губам, находила в воде разные недостатки: то мутна, то холодна, то тепла, то с запахом.

Так продолжалось несколько дней сряду, и однажды В. П. поднесла стакан к губам, оттолкнула его и, обратясь к Семену, спросила:—Что это такое?

Молчание.

— Я спрашиваю—Что это такое?

Опять молчание.

— Добьюсь я, наконец, хорошей воды?—И мгновенно стакан с водой был брошен почти в лицо дворецкого.

Семен побледнел. Взял со стола графин и вышел. Через несколько минут он вернулся и в чистый стакан налил барыне воды.

— Вот это вода!—Сказала В. П. и отпила более полстакана.

Тогда Семен, бледный, с дрожащими губами, сделал несколько шагов вперед, стал перед образом, перекрестился широким крестом и сказал: Вот ей-богу, перед образом клянусь — я ту же воду подал, не менял...”.

Конечно, он был жестоко наказан.

Или вот Житова рассказывает в отношении самой себя.

„За работой сижу я в гостиной.

— Как ты держишь иголку? — Что ты все молчишь?

Уровню ножницы — *maladroite!!!* И при этом у нее является такой испуг от падения маленьких ножниц, что на помощь подавался флакон со спиртом и начиналась моя попытка.

Ты неблагодарная! Ты знаешь, что я расстроена, больна, что малейший шум действует мне на нервы? Ты ни о чем не думаешь! Нет, это не ветренность, нет, это ты нарочно делаешь! Ты убить меня хочешь своим поведением. — Я сижу печальная. Грозный возглас.

— Поди сюда! — Подхожу.

— Что с тобой? Я тебя спрашиваю? Ну! А-а... теперь понимаю! Это ты на меня губы надула! Этого не доставало! И опять целы пото брани... На другой день опять за что-нибудь выговор. Тогда я напускаю на себя веселость, чтобы доказать, что я не обиделась; опять не угодила. — Чему ты рада? Тебе все равно: браню ли я тебя, хвалю ли я тебя, ты нечувствительная, неблагодарная тварь...! И диапазон голоса все повышается.

— Как, я только сделала тебе выговор, а ты смеешься. — Вон!

И вот таково было постоянное плетение. Не знаешь, как себя вести, как говорить (Житова. „Воспоминания о семье Тургеневых“. Вестник Европы 1884 г. кн. 11-12).

И чем она больше любила человека, тем утонченнее было ее издевательство над ним, тем сильнее жестокость. а В. П. действительно умела любить нежно и горячо. Вот, например, что мы читаем в письмах ее к И. С.

„Да, жду (письмо от И. С.) и что же, привезут вечером, зажгу лампу в 5 свечей, около себя поставлю, всю силу зрения напрягаю и... ничего не могу прочесть. Так связано, такие слова, что со мною делается истерика от истерения“.

Любовь до истерика — разве это не нежной матери любовь? Так любит эта бесчеловечно жестокая женщина не только своего родного сына, но и приемную дочь, в чем мы убедимся в дальнейшем изложении. В этой любви чувствуется какая-то ирония, но впрочем В. П. не такая была женщина, чтобы высказывать свои нежные чувства. Ей казалось, что всякое проявление чувства должно было уменьшить ее власть, обаянием которой она уживалась до сладострастия и пользовалась ею с своего рода мстительным оттенком (Е. Соловьев) Но дальше она пишет сыну:

„Будь ты уверен, что я... что ты звезда моя. На нее гляжу, ею руководствуюсь, тебя жду, жду, жду и без тебя ничего такого не сделаю, чтобы ты мог мне сказать: эх, мамаша, для чего ты меня не дождала... я подожду тебя, я тебя жду... жду... жду... я тебя люблю, Иван, и все что делаю, что думаю, то во всем ты... ты... ты...“

...моя жизнь от тебя зависит, как иголка в иголке: куда иголка, туда и иголка“.

Так может писать лишь мать, которая любит сына не меньше, чем себя. Эта любовь столь сильна, что она доходила до истерики до затемнения сознания.

„В день отъезда (Ивана Сергеевича) Варвара Петровна все время плакала. Она провожала сына на пароход; на возвратном пути с ней сделался обморок“.

А потом она пишет ему.

„Еще бы пятница без письма от тебя,—и тебе бы написали: матушка помешалась!“

А дальше—

„Первая почта пришла, я вздохнула, вторая — я раздумалась, третья—меня стали уговаривать, что осень, река... оттепель... Поверила. Четвертая почта пришла—писем нет! Дядя, испуганный сам, старался меня успокоить. Нет, Ванечка болен—говорила я.—Нет, он опять переломил руку... словом не было сил меня урезонить. Вот пятая почта. Все перепугались, думали я с ума сошла, и целую неделю я была как истукан. Все почи почти без сна, дни без пищи. Ночью не лежу, а сижу на постели и придумываю: Ванечка мой умер, его нет на свете... Похудела, пожелтела“.

Так В. П. любила своего сына, и это было бы понятно и естественно для матери, если бы эта любовь до „помешательства“ не превратилась в свою противоположность — озлобленность, ненависть так же до истерики, до сумасшествия. Об этом расскажем немного ниже, а теперь посмотрим ее отношения к другим людям, к которым она питала так или иначе чувства симпатии или любви.

Житова говорит:

„У меня хранятся ее письма, наполненные самыми горячими выражениями любви и заботы обо мне; самая нежная мать не могла бы сильнее выразить любви своей родной дочери и со всем тем она меня мучила и мучила так же, как мучила всех, кто был к ней близок. И тем, кто любил ее, кто был предан ей, доставалось горше всех“. Вот, например, как она относилась к самым преданным ей слугам, которых она в свою очередь тоже любила.

Житова рассказывает: „когда женила В. П. своего двоюродного Полякова на Агашеньке, то свадьбу их устроила почти шикарно. Агашеньке дала хорошее приданое и 500 рублей денег. Но когда у Агашеньки родился ребенок, та же В. П., щедрая, мягкая и ласковая, наносит ей тягчай-

шее горе, отсылая младенца от матери в дальнюю деревню, чужим людям“. И когда Агашенька осмелилась взять детей с собой в Москву где жила тогда Варвара Петровна, то произошло вот что: „Тут я увидела ужасную сцену: Варвара Петровна захрипела, бросилась с постели, одной рукой схватила за горло, а другой точно силилась разорвать ей рот... Но тут же отпустила, почти упав на ближайшее кресло.. С ней сделался первый припадок“.

(Житова).

А с мужем этой Агафьи она поступила еще более жестоко за то, что тот сообщил ее сыновьям то, чего В. П. не хотелось чтобы они знали.

„Она схватила огромный тяжелый костыль. Исторический костыль своего дяди И. И. Лутовинова, тот самый, которым он постукивал в кладовой свои мешки с деньгами. (См. „Три портрета“), не почувствовав даже его тяжести, замахнулась уже над головой своего дворецкого еще минута и несчастный Поляков, может быть, был бы убит, но во время поспел Николай Николаевич...“, которого она потом благодарила за то, что он спас их обоих. И, все-таки Полякова она разжаловала и сослала в дальнюю деревню.

Мы уже видели выражение любви ее к сыну из ее писем к нему, но в то же время она и издевалась над ним самым жестоким образом.

Вот момент, когда любовь В. П. к сыну превращается в жесточайшую ненависть.

Е. Соловьев пишет:

«Не зная чем угодить, Варвара Петровна устроила ему особенно торжественную встречу; велела всем дворовым мужчинам выстроиться в ряд по под'ездной аллее и как только барин покажется, о чем должны известить расставленные впереди верховые, — приветствовать его громко и радостно. Тургенев рассердился и, повернув лошадей, вернулся в Петербург.—Этого В. П. не могла простить ему до самой смерти и умерла, не примирившись с сыном».

Этот случай сам по себе не так уж значителен. Во всяком случае нормальная и так горячо любящая, как В. П., мать простила и забыла бы скоро эту мальчишескую необдуманность, тем более, что сам сын много раз делал попытки к примирению. Не то с В. П.: с этого момента она обрушивается на сына всей силой своей жестокости, метит и издевается над ним, как над заклятым врагом. Она лишает его материальных средств, делает все, чтобы только причинить зло; так продолжается всю жизнь. И. С., живя за границей терпит большую материальную нужду, просит у ней помощи, но напрасно: богатая мать не отказывает, но делает это для того, чтобы причинить еще большие страдания и, наконец доводит эти издевательства до кульминационного пункта. Однажды

она позвала своих бедствующих сыновей, сообщив, что она дарит им по имению, и вручила при этом дарственные, не оформленные юридически.

И. С., видя в этом не более как новый вид издевательства, указал на то, что бумаги не оформлены тогда В. П., рассерженная, взяла бумаги обратно, обещая их оформить. Долго ждали сыновья бумаг и наконец получили их в том же виде. И. С. знал, что, во-первых, имения не содержат ценностей и что, во-вторых, если бы он приехал в даренные имения, то, по распоряжению барыни, его бы с позором оттуда выпроводили, заявив, что имение ему не принадлежит. Поэтому он, вместе с братом, поселился в отцовском имении, принадлежавшем им. Перед отъездом И. С. зашел проститься с матерью, когда В. П. узнала об этом, то произошло вот что—привожу эту сцену дословно по Житовой.

„Я постучалась в дверь.

— Войди,—был мне ответ.

— Иван Сергеевич пришел может ли он войти?

Тогда, вместо ответа, В. П. пошла к своему письменному столу, схватила юношеский портрет И. С. и бросила его об пол. Стекло разбилось вдребезги, и портрет отлетел далеко к стене.

Когда вошла горничная и хотела его поднять, В. П. закричала—оставь!—и так портрет лежал от первых чисел июля до первых чисел сентября“.

Когда сыновья окончательно переселились в отцовское имение и когда Житова сообщила об этом Варваре Петровне, то тут произошла такая сцена, которую я даже не в состоянии описать.

С Варварой Петровной сделая точно припадок безумия. Она смеялась, плакала, произносила какие-то бессвязные слова, обнимала меня и кричала: ты одна! Ты одна теперь!

И наконец завершила В. П. эту беспредельную и беспричинную жестокость к любимому сыну таким образом.—В письме к Виллардо И. С. пишет: «... но так как я не могу не сообщить вам все, что я знаю и что чувствую, то прибавлю еще одно слово: мать моя в последние минуты (перед смертью П.) не думала ни о чем, как (стыдно сказать) *о разорении нас—меня и брата*. В последнем письме написанном ею своему управляющему, она давала ему ясный, точный приказ: *продать все за бесценно. поджечь все, если будет нужно* (Гревс.—«История одной любви»).

Но это жестокое издевательство над сыном не было основано на искренне враждебных отношениях.

Варвара Петровна, издевалась над сыном, несомненно, в это же время и любит его, ибо вот что говорит та же Житова.

„28 октября утром вошла я по обыкновению в спальню, сказавши—поздравляю вас, татап, сегодня рождение Ивана Сергеевича.

— Разве сегодня уже 28?—сказала она чуть дрогнувшим голосом и взглянула на календарь... Вдруг глаза ее наполнились слезами... я схватила ее руку, покрыла ее слезами и поцелуями, еще бы минута, и я бы заговорила с нею об ее сыновьях, которые тщето выражали ей в письмах желание, видеть ее; но она вдруг выдернула свою руку из моих:—иди, иди!—и своим носовым платком, которым утирала слезы, она мне махнула на дверь“.

Из этого легко видеть, что горько и тяжело было ей в разлуке физической и духовной с любимым сыном, но примириться она не могла. Не потому не могла, что была такая причина, в силу которой невозможно было это примирение. Ведь всякая нормальная, так горячо любящая мать, любое огорчение в конце концов простила бы, и любовь к сыну поставила бы выше всего; тем более что со стороны сына она имела сильное желание к примирению и он ей почти всегда во всем уступал. Но потому примирение было не возможно, что причина этой безумной жестокости находится в ней самой. И потому горько и тяжело разрыдается ее душа на-двое: с одной стороны, она любит, с другой—не может не тиранить, не причинять страдания самому любимому человеку.

И правильно и основательно задается вопросом Житова: — „кто объяснит как это случилось? Как понять В. П., которая для того, чтобы узнать нашлись-ли ее слуги, сказала упрямоющей, —В. П., которая в 1898 году исповедывалась громко, при всем народе; заставила... духовника уступить ее произволу и наконец В. П., которая в этот раз дала такое доказательство доброты и христианского смирения?

„Сказавши Агафье, мужа которой чуть не убила и которую тиранила, отняв у ней детей, довела до озверения это доброе, безобидное существо своей не человеческой жестокостью— „Прости меня, к празднику твой муж будет здесь.-- И па Полякова и его жену, как любимцев посыпались разные милости; с ними она шутила, советовалась и ласково разговаривала, жену позвала однажды и осведомилась даже о здоровья ее“.

Объяснение этому можно найти только в психопатологии и поэтому достаточное количество приведенных фактов из жизни Варвары Петровны обязывает нас к определенной диагностической интерпретации их. Поэтому, приступая к этой части работы, мы обращаем внимание читателя на резко бросающиеся симптомы психопатии, а что тут мы имеем дело с психопатией (а не формальной душевной болезнью)—совершенно очевидно; вопрос лишь в квалификации последней.

Общее впечатление от материала, изложенного в данной работе, вероятно, тотчас же породит мысли у читателя об исте-

рической психопатии, но это, конечно, было бы неправильно если бы мы сделали такое заключение. Что в данном случае есть много того, что заставляет думать именно об истерии— без сомнения верно. Например, реакция обмороком, «нервным припадком» и т. п. на неприятные внешние раздражения, т.-е. значит, реакция пассивно-защитная (двигательная буря, рефлекс мнимой смерти по Кречмеру). Такого рода реакция свойственна истерикам, которые не в состоянии вести активно-приспособительной борьбы к условиям внешней среды и потому прибегают к старым филогенетическим механизмам самосохранения. Но только ли истерикам присуща эта реакция? Конечно нет! То, что пазывалось эпилептическим характером, в настоящее время стало известным, что при этом состоянии возможны припадки, которые были описаны как психастенические судороги (Оппенгейм) и которые, вместе с эпилептическим характером, в настоящее время составили клиническую картину, под названием аффект-эпилепсии.

Но обстоятельство, заставляющее отличать аффект-эпилепсию от истерии, и состоит именно в способе реагирования на раздражение окружающих условий. При истерии эта реакция по преимуществу пассивная (слезы, припадок, паралич и пр.) а при аффект-эпилепсии эта реакция как раз обратная. Аффект-эпилептик, прежде всего, агрессивен, аффективен стенически (гнев), и пассивная реакция только как крайний случай. Поэтому психопатию Варвары Петровны надо считать не истерией, а аффект-эпилепсией. Почему?— Да потому, что прежде всего резко бросается в глаза ее аффективно-агрессивная натура. Там, где внешняя среда представляет препятствия для ее желаний, она прежде всего действует гневом с агрессивными поступками (швыряет в лицо стакан, схватывает прислугу за горло и т. п.), и только после этого, когда агрессивный поступок дело не изменяет, она реагирует «обмороком». А вся ее жестоко-властная натура, с твердой непреклонной волей, стоит в совершенном противоречии с натурой слабОВОЛЬНОЙ, легко подчиняющейся внушению истерички, т.-е. тут нет истерического изменения личности. Психогенность реакции, аффект-эпилепсии в данном случае также налицо, потому что поводом для реакции всегда являлся какой-либо момент окружающих условий. Далее, если мы присоединим тот садистический компонент ее психики, на который мы указывали выше, ее эмоциональные переходы от одной крайности к другой (симптом полярности—Сегалина) и ее извращения этих эмоциональных полюсов (вместо любви—жестокости и обратно), а также ее наследственность (у целого ряда представителей лутовиновского рода необычайная жестокость, скупость, раздражительность и т. п. симптомы) и ее потомство, среди которого один сын (Сергей) страдал эпилепсией, от припадков которой и умер 18 лет. (Тургенев, жизнь личность и творчество, стр. 9, Иванов), то станет совершенно ясным, что об истерии никакой речи

- 44 -

быть не может и что в данном случае мы имеем дело с психопатией аффект-эпилептического типа, а сохранность интеллекта позволяет нам исключить как формальную душевную болезнь, так и генульную эпилепсию, при которых, как правило, наступает в конце-концов слабоумие. При аффект-эпилепсии же интеллект всегда сохранен и даже повышенно продуктивен, как об этом говорят авторы этого учения Bratz и Krepelin, а что В. П. обладала повышенной интеллектуальной способностью, мы на это указали в начале статьи.

Те «обмороки» и приступы «безумия» (Житова), которые у ней были, вероятно следует квалифицировать как приступы сумеречного состояния, свойственного аффект-эпилептикам.

Итак, мы приходим к выводу, что В. П. страдала психопатией аффект-эпилептического типа, при этом замечательно то, что в потомстве эта психопатия как бы разделилась на две крайние группы симптомов: один сын унаследовал, по видимому настоящую эпилепсию (хотя и неизвестна нам ее форма) а другой Иван Сергеевич, великий писатель, чрезмерную доброту, гуманность, сенситивность, (как другой полюс аффект-эпилепсии), мазохистский компонент психики в противоположность садизму матери, склонность к меланхолии и (возможно) к галлюцинациям (Руднев) и наконец психотическую реакцию в конце жизни. — Все это несомненно результат унаследованной материнской конституции.

В ы в о д ы .

1. Мать Тургенева, Варвара Петровна происходит из психопатической семьи, изобилующей симптомами: патологической аффективностью, скупостью, самодурством, садистической жестокостью и чудачествами.

2. Сама мать Тургенева также несомненно психопатическая особа, с теми же чертами характера; но у нее еще можно отметить следующие симптомы: обмороки, нервные припадки (скорее аффект-эпилептического характера, нежели истерические) психотические приступы «безумия» (сумеречные состояния). По характеру всего симптомокомплекса ее нужно отнести к группе аффект-эпилептиков.

3. Эта психопатическая картина дополняется еще тем, что сын ее страдал также эпилепсией (неизвестно только, в какой форме).

4. Все эти данные подтверждают наличие патогенеза личности И. С. Тургенева, установленного Сегалиным (наследственная отягченность с материнской стороны).

5. Все до сих пор отмеченные другими авторами симптомы Тургеневской психики: возможность галлюцинаций (Руднев) приступы легкой депрессии (Плессо) приступы страха, навязчивые состояния, приступы психотического состояния к концу

жизни (Вольфсон), его сенситивность, гуманность и вообще, мазохистические черты его характера,—все это, несомненно, отзвуки наследственной конституции со стороны матери.

Л и т е р а т у р а.

1. Гревс—История одной любви. Москва 1927 г.
2. Соловьев—О Тургеневе, изд. Павленкова.
3. Ив. Иванов—И. С. Тургенев жизнь, личность и творчество.
4. Тургеневский кружок—Тургеневский сборник.
5. И. Ф. Рында—Черты из жизни Ивана Сергеевича и Тургенева С-Петербург 1903 г.
6. Житова В.—Воспоминания о семье Тургенева—Вестник Европы 1884 г. к. 11—12.
7. Б. Я. Вольфсон.—О нервно-психической болезни Тургенева (перед смертью) Кл. Арх. Ген. и Одар. т. III вып. 2-й.
8. В. И. Руднев.—Психологический анализ „Призраков“ Тургенева. Кл. Арх. Ген. и Одар. вып. 3-й т. IV.
9. Г. И. Плессо. Депрессия Тургенева в свете психоанализа. Кл. Арх. Ген. и Одар. вып. 3-й т. IV.
10. Г. В. Сегалин—О патогенезе и биогенезе великих и замечательных людей Кл. арх. Ген. и Одар. вып., 1-й т. I.

Материалы к патогенезу личности Глеба Успенского.

М. Л. Храповицкой.

С древних времен проблема появления гения привлекала внимание не только ученых и специалистов, но и широкой массы публики.—И все же до последнего времени, сколько нибудь полного и научного объяснения этот вопрос, несмотря на все попытки таких недюжинных умов, как Ломброзо, Мебиус, Виррибаум, не получил. Лишь европатологическая теория д-ра Г. В. Сегалина подходит глубже и полнее к рассмотрению биологических условий появления великих людей, к их биоге-незу и творческой личности.

В своих работах д-р Г. В. Сегалин все задатки развивающегося организма разделяет на 2 группы: на скрытые, гипостатические и открытые, эпистатические, которые подавляют, тормозят скрытые гипостатические задатки. Для *выявления* скрытых гипостатических задатков должен появиться третий фактор, устраняющий господство эпистатических тормозов. Для выявления гениальной одаренности необходимы:

1) родовое накопление гипостатической энергии, называемой одаренностью (кумулятивный компонент одаренности) и 2-ой фактор в форме скрытого или явного психотизма (диссоциативный компонент одаренности), благодаря которому растормаживаются скрытые кумулятивные силы и появляется гипостатическая реакция.—И чем богаче кумулятивный запас, тем ярче и сильнее будет эврореакция.

Таким образом—гений является результатом скрещивания двух родов, в которых один является носителем компонентов одаренности, другой психотизма.

Рассматривая с этой новой точки зрения биографии великих и талантливых людей, мы неизбежно наталкиваемся на наличие этих двух компонентов—кумулятивного и диссоциативного.—Во всех случаях рядом с одаренностью найдете скрытую или явную патологическую отягченность как в их родословной, так у них самих. Так называемые «здоровые» таланты (Толстой, Гете, Тургенев) при более тщательном анализе их творческой личности обнаруживают наличие психопатических элементов.

С этой же европатологической точки зрения хотелось бы проверить данные о Глебе Успенском. В его патогенезе явно выступает нарастание как родового кумулятивного компонента, так и растормаживающие их диссоциативные симптомы. Но

в данном случае нет резкого разграничения обоих факторов по родам.—Как по отцовской линии так и по материнской приходится отметить наличие своего рода одаренности и психотизма. Семья отца изобилует алкоголиками, психически-больными, самоубийцами, но в то же время нельзя отнять у них частичной одаренности. Здесь мы находим определенную наклонность к науке, к знанию,

Со стороны матери, хотя также отмечается некоторая патологичность, но одаренность, особенно художественного творчества, выражена ярче. В лице Глеба Ивановича Успенского слились кумулятивные силы обоих родов. По этому поводу родственник Гл. Успенского Васин (—Дм. Глеб. Соколов) пишет в своих воспоминаниях: «Со стороны отца Глеба Ивановича являются люди науки, и, напротив, родные матери были поклонники искусства. Это наука и искусство послужили как бы элементами для воссоздания такого писателя, который на самом деле, представляет из себя художника и глубокого мыслителя. («Русское Богатство» 1894 г., июнь, стр. 59). Но все же основные эврогенетические данные Глеб Успенский унаследовал по материнской линии,—линия отца скорее является растормаживающим фактором.

По линии матери.

О прадеде Глеба Успенского по матери—Фоме Соколове не удалось собрать ничего достоверного, кроме того, что он был священником села Митрова, Тверской губ.

Дед—Глеб Фомич Соколов—патура сильная, яркая.

Деспотически властный, односторонне узкий, но по-своему идейный и даже одаренный человек, он блестяще кончил курс в Тверской семинарии, был оставлен при ней преподавателем латинского и греческого языков. Но он скоро променял ученую карьеру на государственную, на которой быстро выдвинулся. Исполнительный, настойчивый, чрезвычайно честный (редкое явление среди тогдашней чиновничьей среды), он был безкорыстно и фанатически предан государственным интересам. Ради них он готов был, по выражению Глеба Успенского: «погубить родного отца». Но вместе с тем это был деспот, под железной волей которого должно было гнуться все окружающее. Он топтал и гнул всякое проявление личности в своей жене, детях, во всех, кого достигала его властная рука. Жертвуя своими личными интересами ради государственных, он того же требовал и от близких.

Были у него, повидимому, и природные музыкальные способности.—Он любил играть на скрипке «русские» песни, собирал вокруг себя артистов и музыкантов.

Всем детям своим он дал хорошее образование, но никогда не принимал в расчет их индивидуальности, склонности, та-

ланты, вследствие чего принес им много зла.—Он мечтал сделать из них верных и хороших слуг государству.

Умер он при полном крахе своего мирозерцания.

Жена его, бабушка Глеба Иваповича, *Людмила Ардалионовна*, урожденная Темская, была женщина «чрезвычайно кроткая, терпеливая и глубоко сердечная»

Мать ее, *Татьяна Григорьевна Темская*, прекрасно рассказывала народные сказки.

У Глеба Фомича Соколова было 4 сына и 3 дочери.

Старший сын Владимир Глебович имел прекрасные способности к живописи, которой он выучился самоучкой.

Второй сын *Михаил Глебович*—хороший музыкант и самоучка—композитор. «О его способностях к музыке»—говорит Рубакин—«можно судить, например по тому, что невидавши на своем веку ни одной оперы и не слыхавши даже порядочного оркестра, Михаил Глебович все таки сумел написать порядочную увертюру к задуманной им опере: „Князь Серебрянный“».

Эта увертюра была играна публично пое его дирижерством в Туле и имела большой успех. Композитор П. И. Лядов, ознакомившись с нею признал в ее авторе несомненный талант.

Михаил Глебович отличался болезненной мечтательностью, а перед смертью у него проявилась религиозность мистического характера. Умер он в ранней молодости, повидимому, от туберкулеза.

Третий сын Дмитрий Глебович тоже был музыкантом (учился в консерватории) и писателем. Печатался в «Современнике» и др. изданиях.

Дочери, в том числе и мать Глеба Успенского, Надежда Глебовна, повидимому, также обладали природными художественными способностями Все они получили хорошее образование.

По линии отца.

Дед Глеба Успенского по отцу, Яков Дмитриевич Успенский был сельским дьяконом. О нем Васил пишет: «Дьякон Яков Дмитриевич Успенский—худенький, низенький, лысенький и какой-то угнетенный старичек. Ему более подходило, быть священником чем дьяконом, с представлением о котором связаны сила и гром ласне. Яков Дмитриевич, напротив, говорил тихо и всегда с хрипотою, словно страдал легкой простудою.

Эта хрипота, страдальческое выражение лица и вся миниатюрная фигура делали его одновременно как-то и жалким и симпатичным. Ни о нем, ни о жене его, к сожалению, не удалось собрать сведения,—но нельзя не отметить, что, не-

смотря на свое скромное положение и на окружающую безграмотность и косность, он дал хорошее образование всем своим детям.

Старший сын Никонор Яковлевич Успенский учился в Московской духовной академии, по окончании курса постригся в монахи, был архимандритом: имел звание бакалавра, а впоследствии и магистра. *Умер психически больным.*

Другой сын Григорий Яковлевич Успенский—также учился в духовной академии—затем был преподавателем греческого языка в тульской семинарии. Это был человек чрезвычайно добрый, способный, но *со странностями, крайне неуравновешенный.* Он жестоко *пьянствовал* и рано умер.

Третий сын Василий Яковлевич прекрасно окончив семинарию, был сельским священником.—По некоторым сведениям он также пил и кончил жизнь *самоубийством.*

Сын его Николай Васильевич—известный талантливый беллетрист. Но он рано погиб:—спился, опустился окончательно и в 1889 г. покончил свое жалкое существование, *зарезавшись* в каком-то московском переулке.

Младший сын Якова Дмитриевича. Семен Яковлевич Успенский, хотя и не пил, но в его личности явно отражались патологические черты—садизм, деспотизм. Огромного роста, крепкого сложения, неповоротливый и прожорливый он вызывал насмешки, как среди детских, так и среди школьных товарищей. С годами все более и более проявляются в нем *садистические* наклонности, которые выражаются в его неестественном пристрастии к уличной борьбе, к бойцовым петухам, а также в *изысканной виртуозности,* с какой он издевался над зависящими от него людьми.

В последнем случае в нем во всю проявлялся *грубый самодур и деспот. Явно патологично* коллекционирование одежды, домашних вещей. *По неспособности,* он не кончив курса семинарии, служил писцом.

Отец Глеба Ивановича. Иван Яковлевич Успенский—человек от природы довольно способный—окончив духовную семинарию одним из первых учеников, усиленно мечтал о духовной академии и даже об архиерейском клобуке, но по окончании семинарии пошел по государственной службе вошел в самые недра тогдашней провинциальной бюрократии.

Он отличался ровным, спокойным характером, добродушием и мягкостью. Васин пишет о нем: „Иван Яковлевич был альтруистом в полном смысле. Умер он неожиданно для всех окружающих неизвестно от чего, отличаясь всегда крепким здоровьем.“

Итак из всего вышеизложенного видно, что по линии матери Глеб Иванович, получил главным образом свою одарен-

ность, а по линии отца тяжелую психическую отягченность. Последняя проявляется уже в самом раннем детстве. Мальчиком он часто плачет без причины от „неопределенной тоски“, боится темноты, собак, лошадей, проявляет исключительную болезненную впечатлительность и т. д.

Л и т е р а т у р а.

- 1) Н. К. Михайловский: «Глеб Успенский как писатель и человек».
 - 2) Н. Рубакин: «Материалы для биографии Успенского».
 - 3) В. Чехихин—Ветринский: «Молодость Глеба Успенского». „Русская мысль“ 1914 г. кн. 6—7.
 - 4) В. Короленко: «Отошедшие»
 - 5) В. Чехихин—Ветринский: „Письма Успенского“—„Голос Минувшего“ 1915 г. кн. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8.
 - 6) А. Иванчин—Писарев: «Из жизни Гл. Успенского».
 - 7) «Северные записки» 1915 г. кн. 5, 6, 7, 8, 9.
 - 8) «Русская мысль» 1903 г. кн. 9 ст. Некрасовой Е. С.
 - 9) «Русское богатство» 1894 г., июнь ст. Васина.
 - 10) О. Аптекман „Глеб Успенский“ изд. Задруга.
 - 11) «Русские ведомости» 1902 г. № 146 ст. Елатьевского.
 - 12) Отрывки дневника д-ра Синани.
-